Каменев

Экономическая система империализма

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН141
Э 453

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ".
Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10. Телеф. 227-42.
БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЯ. Книга 23.

ЕН141
Э453К

Ю. Каменевъ.

Экономическая система имперіализма.

Цѣна 1 руб.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10. Тел. 227-42.

БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЯ.

Кн. 1-я. **И. П. Покровскій.** Членъ Гос. Думы. Государственный бюджетъ Россіи за послѣднія 10 лѣтъ (1901—1910) . . . . 1 р. 50 к.

Кн. 2-я. **Исторія соціализма.** Въ монографіяхъ К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго и Э. Бернштейна. Перев. *Е.* и *И. Леонтьевыхъ*. Ч. I. Отъ Платона до Анабаптистовъ. Ч. II. Отъ Томаса Мора до кануна великой революціи. За обѣ части 2 „ 50 „

Кн. 3-я. **М. С. Александровъ.** Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи . 1 „ — „

Кн. 4-я. **Петръ Масловъ.** Аграрный вопросъ въ Россіи. Томъ I. (Условія развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи). 4-е дополн. изд. Съ прилож. статей: I. О принципіальныхъ основахъ аграрной программы. 2. Моимъ критикамъ . . . . 2 „ 50 „

Кн. 5. **Петръ Масловъ.** Аграрный вопросъ въ Россіи. Томъ II. Кризисъ крестьянскаго хозяйства и крестьянское движеніе. 3 „ — „

Кн. 6-я. **Петръ Масловъ.** Капитализмъ. Ч. I. Наемный трудъ и заработная плата . . . . . 2 „ — „

Кн. 7-я. **Петръ Масловъ.** Исторія народнаго хозяйства . . . . 2 „ — „

Кн. 8-я. **А. М. Коллонтай.** Общество и материнство. Государственное страхованіе материнства . . . . . 3 „ 50 „

Кн. 9-я. **А. М. Коллонтай.** Страхованіе материнства. Томъ 2. 1) Частное страхованіе материнства. 2) Исторія движенія въ пользу обезпеченія материнства. (Печатается.)

Кн. 10-я. **А. Деборинъ.** Введеніе въ философію діалектическаго матеріализма. Съ предисловіемъ *Г. В. Плеханова* . . . 3 „ — „

Кн. 11-я. **Вл. Кранихфельдъ.** Въ мірѣ идей и образовъ . . . 2 „ — „

Кн. 12-я. **Мих. Невѣдомскій.** Зачинатели и продолжатели . . . 2 „ — „

Кн. 13-я. **С. Т. Семеновъ.** Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ . 2 „ — „

Кн. 14-я. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Духоборцы въ канадскихъ преріяхъ . . . . . 2 „ — „

Кн. 15-я. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Къ исторіи русскаго духоборчества . . . . . 2 „ — „

Кн. 16-я. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Новый Израиль . . . 2 „ — „

Кн. 17-я. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Среди сектантовъ . . . 2 „ — „

Кн. 18-я. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Изъ міра сектантовъ . 2 „ — „

Кн. 19-я. **Фр. Энгельсъ.** Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Переводъ съ нѣмецкаго *И.* и *Е. Леонтьевыхъ* . . . . . 1 „ 50 „

Кн. 20-я. **Прудонъ.** Что такое собственность. Переводъ съ нѣмецкаго *И.* и *Е. Леонтьевыхъ* . . . . . 1 „ 50 „

Кн. 21-я. Письма Ферд. Лассаля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ примѣчаніями и приложеніями *Ф. Меринга* . . . . . 1 „ 25 „

Кн. 22-я. **Ю. Каменевъ.** Объ А. И. Герценѣ и М. Г. Чернышевскомъ . . . . . 1 „ — „

Кн. 23-я. **Б. Авиловъ.** Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи . . . . . — „ 65 „

Кн. 24-я. **К. Тахтаревъ.** Соціологія какъ наука . . . . . 1 „ — „

Кн. 25-я. **Ю. Каменевъ.** Экономическая система имперіализма. 1 „ — „

Кн. 26-я. **М. С. Александровъ.** Три года въ одиночной тюрьмѣ . 2 „ — „

Кн. 27-я. **В. П. Милютинъ.** Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи . . . . . 1 „ — „

Кн. 28-я. **В. П. Милютинъ.** Сельско-хозяйственные рабочіе и война. . . . . 1 „ — „

Кн. 29-я. **В. П. Ногинъ.** На полюсѣ холода . . . . . 2 „ — „

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 10. Тел. 227-42.

БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЯ.

Кн. 1-я. **И. П. Покровскій.** Членъ Гос. Думы. Государственный бюджетъ Россіи за послѣднія 10 лѣтъ (1901—1910) . . 1 р. 50 к.

Кн. 2-я. **Исторія соціализма.** Въ монографіяхъ К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго и Э. Бернштейна. Перев. *Е. и И. Леонтьевыхъ.* Ч. I. Отъ Платона до Анабаптистовъ. Ч. II. Отъ Томаса Мора до кануна великой революціи. За обѣ части . . . . . 2 „ 50 „

Кн 3-я. **М. С. Александровъ.** Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи . . . . . 1 „ 50 „

Кн. 4-я. **Петръ Масловъ.** Аграрный вопросъ въ Россіи. Томъ I. (Условія развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи). 4-е дополн. изд. Съ прилож. статей: 1. О принципіальныхъ основахъ аграрной программы. 2. Моимъ критикамъ. . . . . 2 „ 50 „

Кн. 5-я. **Петръ Масловъ.** Аграрный вопросъ въ Россіи. Томъ II. Кризисъ крестьянскаго хозяйства и крестьянское движеніе 3 „ — „

Кн. 6-я. **Петръ Масловъ.** Капитализмъ. Ч. I. Наемный трудъ и заработная плата 2 „ — „

Кн. 7-я. **Петръ Масловъ.** Исторія народнаго хозяйства . . . . . 2 „ — „

Кн. 8-я **А. М. Коллонтай** Общество и материнство. Государственное страхованіе материнства . . 3 „ 50 „

Кн. 9-я. **А. М. Коллонтай.** Страхованіе материнства. Т. 2-ой (Печатается).

Кн. 10-я. **А. Деборинъ.** Введеніе въ философію діалектическаго матеріализма. Съ предисловіемъ *Г. В. Плеханова* . . . . 3 „ — „

Кн. 11-я. **Вл. Кранихфельдъ:** Въ мірѣ идей и образовъ 2 „ — „

Кн. 12-я. **Мих. Невѣдомскій.** Зачинатели и продолжатели . . . . . 2 р. — к.

Кн. 13-я. **С. Т. Семеновъ.** Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ . . . . . 2 „ — „

Кн. 14-я. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Духоборцы въ канадскихъ преріяхъ . 2 „ — „

Кн. 15-я. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Къ исторіи русскаго духоборчества . . 2 „ — „

Кн. 16-я. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Новый Израиль 2 „ — „

Кн. 17-я. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Среди сектантовъ . . . . . 2 „ — „

Кн. 18-я. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Изъ міра сектантовъ . . . . . 2 „ — „

Кн. 19-я. **Фр. Энгельсъ.** Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Переводъ съ нѣмецкаго *И. и Е. Леонтьевыхъ* . . . . 1 „ 50 „

Кн. 20-я. **Прудонъ.** Что такое собственность. Переводъ съ нѣмецкаго *И. и Е. Леонтьевыхъ* . . . . . 1 „ 50 „

Кн. 21-я. Письма Ферд. Лассаля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ примѣчаніями и приложеніями *Ф. Меринга* . . . . . 1 „ 25 „

Кн. 22-я. **Ю. Каменевъ.** Объ А. И. Герценѣ и М. Г. Чернышевскомъ . . . . 1 „ — „

Кн. 23-я. **Б. Авиловъ.** Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи . . . . . — „ 65 „

Кн. 24-я. **К. Тахтаревъ.** Соціологія какъ наука . . 1 „ — „

Кн. 25-я. **Ю. Каменевъ.** Экономическая система имперіализма . . . . . 1 „ — „

Кн. 26-я. **М. С. Александровъ.** Три года въ одиночной тюрьмѣ. . . . . 2 „ — „

Кн. 27-я. **В. П. Милютинъ.** Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи. 1 „ — „

Кн. 28-я. **В. П. Милютинъ.** Сельско-хозяйственные рабочіе и война . . . . 1 „ — „

Кн. 29-я. **В. П. Ногинъ.** На полюсѣ холода. . . . . 2 „ — „

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.
Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 10. Телеф. 227-42.

БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЯ. Книга 25-я.

Ю. Каменевъ.

ЕН 141
Э 453

Экономическая система имперіализма.

Цѣна 1 руб.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916 г.

19К3

К.

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 4 мая 1916 г. за № 4659.

ЕН141
Э 453

Институт В. Д.
№ ~~1518~~

С
4502

~~132-1924~~ 1058466

Типографія „Печатный Трудъ". Петроградъ, Разъѣзжая ул., 43.

ОТЪ АВТОРА.

Предлагаемая читателю работа написана еще въ первое полугодіе міровой войны и въ условіяхъ, исключавшихъ возможность пользоваться текущей литературой. Эти же условія задержали ея появленіе въ свѣтъ. Полагаю, однако, что и въ данномъ видѣ эта работа удовлетворитъ потребность современнаго читателя имѣть краткое изложеніе основныхъ тенденцій имперіализма, какъ высшей — и послѣдней — ступени развитія капиталистическаго хозяйства.

Авторъ.

Петроградъ—Енисейская губ.
Май 1915—16.

Экономическая система имперіализма.

Стремленіе къ новымъ рынкамъ сбыта и къ новымъ сферамъ приложенія накопленныхъ производительныхъ силъ всегда играло опредѣленную роль въ торговой политикѣ промышленныхъ странъ. Оно въ громадной степени усилилось и обострилось къ концу XIX и въ началѣ XX в.в. Здѣсь сыграло роль и выступленіе на міровой рынокъ молодыхъ промышленныхъ странъ, какъ С.-А. С. Штаты и Германія, а затѣмъ и Японія, и громадный ростъ накопленныхъ въ Европѣ богатствъ, ищущихъ себѣ примѣненія, и увеличеніе значенія въ міровомъ товарообмѣнѣ такихъ областей, какъ Канада и Южная Америка, и „внѣ историческихъ“ націй Востока, но главная роль принадлежала здѣсь характернымъ и существеннымъ измѣненіямъ въ самой структурѣ экономической жизни промышленныхъ странъ, въ формахъ и размѣрахъ самого производственнаго процесса. Именно къ этой эпохѣ,— начиная приблизительно съ южно-африканской войны,— относится и широкое распространеніе термина „имперіализмъ“, которымъ текущая литература, а за ней и читательская масса пытаются охватить и событія въ Южной Африкѣ и борьбу Америки съ Испаніей за острова Тихаго Океана и Атлантики, а затѣмъ и совмѣстныя дѣйствія державъ на территоріи Китая и,

главнымъ образомъ, все интенсивнѣе проявляющіяся стремленія Германіи.

Съ началомъ же XX в. то, что характеризуется въ общественномъ сознаніи терминомъ „имперіализмъ“ становится уже въ самомъ центрѣ общественнаго вниманія. Вопросы колоніальной политики, международной торговой конкуренціи, пріобрѣтенія новыхъ рынковъ, протекціонизма не сходятъ со страницъ газетъ. „Имперіализмъ“ начинаетъ фигурировать какъ тема обсужденія въ порядкѣ дня многочисленнѣйшихъ собраній экономистовъ и политиковъ. Создается спеціальная научная литература. Самый терминъ становится однимъ изъ наиболѣе обычныхъ въ газетной и памфлетной литературѣ, на парламентской трибунѣ и внѣ ея.

Широкое распространеніе термина не обозначаетъ, еще, однако, и широкаго распространенія правильнаго пониманія охватываемаго имъ круга явленій, его объема и существеннѣйшихъ сторонъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что можно съ равнымъ правомъ говорить объ „имперіализмѣ“ Германской имперіи и С.-Американской республики показываетъ, что указанный кругъ явленій связанъ не съ политическими формами, а съ гораздо болѣе широкими и глубокими явленіями экономической жизни. Говорить объ „имперіализмѣ“, не отдавъ себѣ отчета въ измѣненіяхъ, характеризующихъ формы и размѣры производства за послѣдніе 20-25 лѣтъ,—значитъ скользить по самой поверхности явленій, ничуть не задѣвая ихъ сущности. Между тѣмъ, общая, не спеціально-экономическая литература вплоть до самого послѣдняго времени удѣляетъ этимъ вопросамъ слишкомъ мало вниманія, довольствуясь большей частью обсужденіемъ чисто политическихъ комбинацій. Что касается спеціально русской литературы, то можно смѣло сказать, что въ ней почти со-

вершенно отсутствуютъ какія-либо работы, систематически освѣщающія относящійся сюда матеріалъ міровой хозяйственной жизни.

Въ предлагаемой читателю статьѣ мы, поэтому,—оставляя совершенно въ сторонѣ всю область международныхъ политическихъ отношеній,—сосредотачиваемъ все вниманіе на характеристикѣ чисто экономическихъ факторовъ имперіализма, имѣя при этомъ въ виду не ихъ проявленія въ той или другой странѣ, а лишь общія, не связанныя съ данной конкретной обстановкой тенденціи. Это, такимъ образомъ, чисто теоретическій этюдъ, имѣющій служить, такъ сказать, лишь общимъ введеніемъ въ изученіе конкретныхъ явленій міровой экономической и политической жизни со всѣмъ ея сложнымъ переплетомъ сталкивающихся интересовъ отдѣльныхъ странъ. И это же заставляетъ насъ сдѣлать тутъ же нѣкоторую оговорку.

Кругъ разсматриваемыхъ явленій—это условія возникновенія и упроченія финансоваго капитала и тѣ измѣненія въ структурѣ хозяйственной жизни, которыя этимъ обусловлены. Въ своей совокупности это и есть экономическій базисъ имперіалистическихъ стремленій. Но это значитъ, что мы будемъ имѣть дѣло съ акціонерной формой предпріятій, съ условіями торговли акціями, съ эмиссіонными операціями банковъ съ картелированіемъ промышленности и т. д Читатель, незаинтересованный ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ, обычно чувствуетъ себя здѣсь какъ въ безводной пустынѣ. Слѣдуетъ, однако, принять во вниманіе, что путь къ дѣйствительному познанію современности и къ ея правильной оцѣнкѣ пролегаетъ именно черезъ эти области и что другихъ путей туда нѣтъ. Мы, впрочемъ, постараемся по воз-

можности сократить этотъ путь и остановимся лишь на самомъ необходимомъ.

Литература, затрагивающая отдѣльные вопросы изъ тѣхъ, съ которыми намъ придется встрѣтиться, громадна (главнымъ образомъ, на англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ). Но ея главнымъ недостаткомъ съ точки зрѣнія читателя неспеціалиста является то, что она сосредоточиваетъ свое вниманіе именно на отдѣльныхъ, частичныхъ проявленіяхъ общаго процесса, а поскольку—въ рѣдкихъ случаяхъ,—переходитъ къ вопросамъ болѣе широкимъ, неизбѣжно оказывается пристрастной сообразно національности автора. Блестящимъ исключеніемъ является здѣсь обширное изслѣдованіе Р. Гильфердинга „Финансовый капиталъ“. Оно пытается охватить вопросъ во всемъ его объемѣ, вводя отдѣльныя частности въ общую, строго-научную систему, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно лишено того специфическаго духа пристрастія, о которомъ мы сейчасъ сказали. Если же признать, что цѣнность научнаго изслѣдованія общественныхъ явленій современности измѣряется ихъ способностью къ предвидѣнію грядущихъ событій, то и здѣсь работа Гильфердинга—строго-научная и не имѣющая никакой связи съ публицистикой дня—уже успѣла блестяще выдержать трудное испытаніе. Выводы чисто-теоретическаго, выполненнаго по строгимъ образцамъ абстрактнаго метода, изслѣдованія Гильфердинга имѣли во многомъ, какъ теперь уже не трудно убѣдиться, пророческій характеръ. Эту работу мы и положили въ основу нашей статьи [1]).

---

[1]) Какъ мы сказали въ текстѣ, что особенностью работы Гильфердинга, выдѣляющей ее изо всей громадной соотвѣтствующей литературы, является систематическое обслѣдованіе многоразличныхъ факторовъ, изъ которыхъ складывается господство

I.

Движущей силой имперіализма являются стремленія финансоваго капитала. Предпосылкой же господства финансоваго капитала является широкое развитіе двухъ, параллельныхъ и другъ другу содѣйствующихъ процессовъ идущаго впередъ капиталистическаго хозяйства. Исторически впереди идетъ процессъ мобилизаціи капитала, за нимъ слѣдуетъ ассоціированіе и концентрація капитала и производства.

Мобилизація капитала есть—экономически—способность всякаго даннаго капитала, вложеннаго въ производство, быть извлеченнымъ изъ послѣдняго и вернуться къ собственнику въ денежной формѣ, чтобы найти какое-либо новое примѣненіе. Такимъ образомъ, мобилизація капитала есть, вообще говоря, возможность его постояннаго передвиженія и превращенія

финансоваго капитала. Пользованіе выводами Гильфердинга затруднено, однако, для обычнаго читателя самой архитектурой книги, ибо Гильфердингъ избралъ путь всесторонняго разсмотрѣнія одного за другимъ различныхъ экономическихъ институтовъ и явленій (акціонерное общество, биржа, банкъ, уровень процента, картель и т. д.), что неизбѣжно привело къ нѣкоторой разбросанности выводовъ и несоразмѣрности отдѣльныхъ частей работы. Основной прослѣживаемый Гильфердингомъ процессъ,—созданіе и упроченіе финансоваго капитала—въ его работѣ, такъ сказать, вьется тонкой струей среди отдѣльныхъ главъ, посвященныхъ указаннымъ институтамъ. Къ по меньшей мѣрѣ спорнымъ частямъ книги Гильфердинга слѣдуетъ, на нашъ взглядъ отнести нѣкоторые стороны теоріи денежнаго обращенія, предпосланной имъ своей работѣ. Блестящая работа Гильферцинга въ общей русской литературѣ оставлена, къ сожалѣнію, безо всякаго вниманія и очень мало использована до сихъ поръ въ литературѣ спеціальной, хотя она имѣется и въ русскомъ переводѣ И. И. Степанова со вступительной статьей послѣдняго, въ которой приведены весьма сочувственные отзывы о ней нѣкоторыхъ зап.-евр. экономистовъ.

въ деньги независимо отъ хода производства. Какъ, однако, осуществима подобная возможность? Какимъ образомъ капиталъ, вложенный въ доменную печь или желѣзную дорогу, получаетъ возможность свободнаго передвиженія независимо отъ хода производства и еще ранѣе, чѣмъ онъ будетъ возстановленъ изъ дохода этихъ предпріятій? Конечно, индивидуальный предприниматель, вложившій свой денежный капиталъ въ оборудованіе завода, закупку машинъ, сырья и оплату труда рабочихъ, не имѣетъ никакой возможности извлечь этотъ капиталъ изъ своего предпріятія Онъ можетъ получить его только или путемъ продажи своего дѣла или лишь въ результатѣ накопленія изъ его прибыли. Такимъ образомъ, мобилизація капитала отнюдь не есть что-либо, присущее самому капиталистическому производству. Эта возможность для капиталиста извлекать свой капиталъ въ денежной формѣ, независимо отъ производства и не нарушая хода послѣдняго, является результатомъ историческаго измѣненія формъ капиталистическихъ предпріятій и требуетъ для своего осуществленія особыхъ условій, созданныхъ въ сколько-нибудь широкомъ видѣ лишь во второй половинѣ XIX в. Только созданіе акціонерной формы предпріятій и наличіе широко-развитаго рынка для цѣнныхъ промышленныхъ бумагъ—биржи—дѣлаютъ возможной и необходимой—мобилизацію капитала.

Раньше, чѣмъ итти дальше, намъ надо остановиться на экономическомъ значеніи этихъ двухъ явленій, характеризующихъ эпоху наибольшаго промышленнаго развитія и служащихъ условіемъ и орудіемъ господства финансоваго капитала.

Первоначально въ акціонерной формѣ предпріятія выдѣляется, какъ характерная ея черта,—объединеніе

мелкихъ или, вообще, почему-либо негодныхъ [1]) для приложенія въ производствѣ капиталовъ въ единую массу. Уже одна эта черта обезпечиваетъ акціонерному предпріятію преимущества въ борьбѣ съ предпріятіями индивидуальными. Въ краткой формулѣ эти преимущества, обезпечивающія въ конечномъ счетѣ побѣду акціонерныхъ предпріятій надъ индивидуальными, можно выразить такъ: для акціонернаго предпріятія какъ въ области первоначальнаго капитала, такъ и въ области его увеличенія и раціональной технической постановки и веденія предпріятія не существуетъ тѣхъ границъ, которыя стоятъ передъ индивидуальнымъ предпринимателемъ въ видѣ размѣровъ его капитала (и, слѣд., его кредита). Этихъ границъ не существуетъ для акціонернаго предпріятія въ области первоначально-необходимаго капитала, ибо оно базируется не на индивидуальной кассѣ и ея кредитѣ, а на всемъ свободномъ и ищущемъ производительнаго приложенія капиталѣ (и, слѣд., на всемъ обезпеченномъ этому капиталу кредитѣ). Въ области расширенія, акціонерное предпріятіе, не дожидаясь накопленія изъ собственныхъ прибылей,—что обязательно для индивидуальнаго предпріятія, — можетъ обратиться непосредственно къ увеличенію капитала за счетъ новыхъ, попавшихъ на рынокъ чужихъ, т.-е. до сихъ поръ остававшихся чуждыми данному предпріятію, капиталовъ. Нѣтъ надобности пояснять, что все это даетъ возможность акціонерному предпріятію достигать наибольшей быстроты и гибкости въ примѣненіи новѣйшихъ техническихъ методовъ производства, упорнѣе противостоять неблагопріятной конъюнктурѣ, энер-

---

[1]) Напр., по личнымъ качествамъ собственниковъ, неприспособленныхъ къ веденію предпріятія.

гичнѣе и шире проводить политику временнаго сжиманія прибыли ради увеличенія ея въ дальнѣйшемъ путемъ единовременныхъ затратъ на техническія улучшенія, поиски новыхъ рынковъ и т. д. Чтобы охарактеризовать результатъ этихъ преимуществъ въ соревнованіи акціонерныхъ и индивидуальныхъ предпріятій, достаточно будетъ указать на то, что акціонерныя компаніи въ С.-А. С. Штатахъ, составляя всего 8% всего количества предпріятій, зарегистрированныхъ по цензу 1900 г., производятъ 60% всей годовой выработки заатлантической республики. Если же исключить предпріятія ручного труда, то этотъ процентъ подымется до 65. Въ Германіи акціонерныя общества въ промышленности концентрируютъ до 75% всего числа лошадиныхъ силъ, которымъ располагаетъ германская промышленность. Извѣстный статистикъ Альфредъ Неймаръ, въ своемъ докладѣ интернаціональному съѣзду статистиковъ въ 1900 г., оцѣнивалъ цѣнныя бумаги въ 452 милліарда франковъ. Изъ этой общей суммы—за вычетомъ 125 милліардовъ фр. государственныхъ бумагъ—на долю промышленныхъ предпріятій падаетъ 327 милліардовъ фр. Съ тѣхъ поръ, роль акціонерныхъ предпріятій возросла еще болѣе. Энергія ихъ роста поразительна. Въ одной Германіи капиталъ акціонерныхъ предпріятій за 10-лѣтіе 1900—1910 г.г. возросъ на $2^1/_2$ милліарда марокъ. Въ Англіи за пять лѣтъ (1906—1911) число обществъ увеличилось на 31%. За тотъ же приблизительно періодъ времени капиталъ акціонерныхъ обществъ Австріи выросъ на 40% и т. д.

Эта гигантская роль акціонерной формы предпріятій одинаково характеризуется самыми различными экономистами. „Обычная свободная торговля,—писалъ Родбертусъ,—безъ акціонерной формы—просто жалкая

ручная метла; свободная торговля при акціонерной формѣ—паровая метла, которая въ 10 лѣтъ вымететъ такъ чисто, какъ обычная праздничная метла сумѣла бы развѣ лѣтъ въ 100". На самой зарѣ широкаго развитія акціонерныхъ предпріятій Марксъ формулировалъ ихъ вліяніе какъ „колоссальное расширеніе размѣровъ производства и предпріятій, которые были невозможны для отдѣльнаго капиталиста". А ученый изслѣдователь исторіи германскихъ банковъ, стоящій лицомъ къ лицу съ реализаціей тенденцій, указанныхъ уже Родбертусомъ и Марксомъ, приходитъ къ выводу, что „акціонерное общество—наиболѣе острое, надежное, а потому предпочительнѣйшее оружіе, какое только имѣется въ распоряженіи капиталистическаго хозяйственнаго строя для побѣды характеризующихъ его тенденцій къ концентраціи" [1]).

Таково значеніе акціонерной формы предпріятій, разсматриваемой съ точки зрѣнія производства. Но интересующій насъ сейчасъ вопросъ о мобилизаціи капитала не имѣетъ прямой связи съ производственнымъ процессомъ. Наоборотъ. Его область—это область вопроса о собственности на элементы производительнаго капитала.

Создается ли что-либо новое съ развитіемъ акціонерной формы въ этой области? Да, и здѣсь именно лежитъ та черта, которая дѣлаетъ изъ акціонерной формы предпріятій необходимую предпосылку господства финансоваго капитала и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменуетъ собой „результатъ высшаго развитія капиталистическаго производства".

---

[1]) Riesser: „Zur Entwicklungsgeschichte der deutschen Grossbanken", стр. 152. За невозможностью имѣть въ своемъ распоряженіи подлинникъ, цитирую по Гильфердингу, „Финансовый капиталъ", стр. 167 рус. перевода И. Степанова.

Акціонерное предпріятіе собираетъ и объединяетъ капиталъ путемъ выпуска акцій. Юридически, акція есть право на участіе въ предпріятіи. Это право воплощается въ правѣ на участіе въ раздѣлѣ прибыли, въ правѣ на долю при ликвидаціи предпріятія и въ правѣ на участіе въ управленіи дѣлами. Таково опредѣленіе акціи даваемое юристами [1]).

Но экономическое развитіе часто нарушаетъ юридическія конструкціи. Изъ 75.000 владѣльцевъ акціи одной изъ с.-американскихъ жел. дорогъ едва ли даже $^1/_{100}$ оказываетъ и можетъ оказывать какое-либо реальное вліяніе „на „управленіе дѣлами". Ликвидація знаменуетъ лишь крушеніе даннаго предпріятія и связанныя съ этимъ моментомъ права не могутъ характеризовать роли акціи въ развивающемся хозяйствѣ. Съ точки зрѣнія реальной дѣйствительности, въ выше приведенной характеристикѣ акціи остается одно— право на часть прибыли, и эта же дѣйствительность прибавляетъ другую опущенную въ ней черту: акціонеръ лично не участвуетъ въ производственномъ процессѣ. И, дѣйствительно, съ экономической точки зрѣнія, существеннѣйшей характеристикой акціи и ея владѣльца является то обстоятельство, что лицо владѣющее акціей промышленнаго предпріятія выступаетъ не какъ промышленный предприниматель, а просто какъ лицо, имѣющее право на полученіе извѣстнаго барыша за выданныя имъ деньги. Онъ собственникъ акціи, но производительный капиталъ (заводы, машины, копи и т. д.) принадлежитъ уже не ему, а юридическому лицу— акціонерному обществу. Лицо отдающее свои деньги за акцію, пріобрѣтаетъ не соотвѣтствующую долю

---

[1]) Ср., напр., Г. Щершеневичъ. Учебникъ торговаго права. М. 1912. § 31.

промышленнаго капитала, а лишь право получить „вознагражденіе“ за отданныя имъ деньги изъ общей прибыли предпріятія. Онъ стоитъ внѣ производственнаго процесса. Функція капиталиста отдѣляется отъ функціи предпринимателя. Акція воплощаетъ не стоимость работающаго въ производствѣ капитала, а лишь право ея владѣльцевъ получить долю въ доходѣ, произведенномъ этимъ капиталомъ.

Первымъ результатомъ этого отдѣленія функціи собственника отъ функціи предпринимателя является то, что промышленность ведется теперь на капиталъ, значительно превышающій сумму капитала самихъ предпринимателей. Теперь, всякая денежная сумма, откуда бы она не произошла,—будетъ ли то доходъ крупнаго землевладѣльца, сбереженіе отъ жалованія чиновника, служащаго и техника, или сбереженіе лавочника и ремесленника—можетъ быть вложена въ производство. И дѣйствительно, въ тѣ 327 милліардовъ фр., въ которые оцѣнивался къ 1900 г. акціонерный капиталъ промышленныхъ обществъ, входитъ не только капиталъ предпринимателей, но и въ значительной мѣрѣ денежныя сбереженія всѣхъ другихъ, не играющихъ въ самомъ производствѣ роли, классовъ общества. Извѣстно, какая громадная часть доходовъ и сбереженій всего населенія Франціи вкладывается въ цѣнныя бумаги. Но даже и въ Германіи около 1/6 части всего народнаго дохода притекаетъ въ видѣ процентовъ на цѣнныя бумаги. Это значитъ, что благодаря акціонерной формѣ предпріятій, современная промышленность работаетъ на капиталъ значительно превышающій собственный капиталъ промышленныхъ предпринимателей и, вообще, всего класса капиталистовъ и доставляемый имъ изъ всей суммы общихъ сбереженій всего населенія.

БИБЛИОТЕКА
при ЦК КПСС

Если бы теперь, къ вышеуказаннымъ чертамъ акціонера прибавилась возможность для него получить отданныя имъ деньги назадъ въ денежной же формѣ и во всякое время,—независимо отъ истеченія срока производственнаго оборота,—то онъ экономически превратился бы въ простого денежнаго капиталиста, въ лицо, ссудившее денежный капиталъ и имѣющее за это право получить процентъ на послѣдній.

Эта возможность создается съ того момента, какъ въ наличности оказывается рынокъ для продажи и перепродажи акціи. На этомъ рынкѣ акція промышленнаго предпріятія переходитъ изъ рукъ въ руки, причемъ этотъ переходъ собственности на акцію ни въ чемъ не нарушаетъ хода самого производственнаго процесса. Акція продается и перепродается просто какъ удостовѣреніе на право получить долю дохода. Тѣмъ самымъ для каждаго акціонера открывается—теоретически и практически—возможность извлечь свой капиталъ изъ предпріятія въ денежной формѣ. Превращеніе производительнаго капитала въ продающіяся на спеціальномъ рынкѣ акціи и дѣлаетъ возможной мобилизацію капитала.

Итакъ. Акціонеръ стоитъ внѣ производственнаго процесса. Онъ не исполняетъ въ немъ никакой функціи (онѣ исполняются наемными директорами и прочимъ служебнымъ персоналомъ акціонернаго общества). Онъ, кромѣ того, имѣетъ постоянную возможность на рынкѣ цѣнныхъ бумагъ—на биржѣ—реализовать выданный имъ капиталъ въ денежной же формѣ. Но въ такомъ случаѣ его роль экономически сводится къ роли ссуднаго капитала и онъ можетъ притязать не на промышленную прибыль, а лишь на обычный (средній) процентъ. Къ этому проценту онъ можетъ лишь добавить требованіе вознагражденія за тотъ сравнительный

рискъ, который онъ несетъ, вкладывая деньги въ промышленное предпріятіе, а не въ болѣе обезпеченныя сферы, напр., въ государственныя долговыя обязательства.

Исторически, въ экономическомъ развитіи эта тенденція: сведеніе акціонера къ денежному капиталисту, а дохода на акцію (дивиденда) къ проценту,—въ дѣйствительности и воплощается [1]). Для этого необходимо, чтобы акціонерная форма стала господствующей формой предпріятій, а торговля акціями—фондовая биржа—получила широкое развитіе. Пока этихъ условій на лицо не было акціонеръ до извѣстной степени воплощалъ въ себѣ предпринимателя, и его доходъ (дивидендъ) включалъ въ себя предпринимательскую прибыль. Когда же эти условія оказываются на лицо, то происходитъ знаменательнѣйшее явленіе экономической жизни: промышленность, собирая въ акціонерной формѣ громаднѣйшіе свободные денежные капиталы, выплачиваетъ владѣльцамъ послѣднихъ (акціонерамъ) не предпринимательскую прибыль, а лишь процентъ на капиталъ. Но тѣмъ самымъ цѣна акціи—удостовѣренія на право получить долю дохода промышленнаго предпріятія—отрывается отъ стоимости функціонирующаго въ данномъ предпріятіи капитала. Она можетъ колебаться—и колеблется—независимо отъ послѣдней.

---

[1]) Нѣтъ, кажется, необходимости оговаривать, что рѣчь идетъ именно объ общей тенденціи, а не о конкретныхъ дивидендахъ данныхъ предпріятій, которые могутъ сильно варьировать въ зависимости отъ ряда условій. Монопольное положеніе даннаго производства, обладаніе имъ патентомъ, какія-либо спеціальныя гарантіи доходности неизбѣжно, конечно, повышаютъ его дивидендъ. Все это особенно сильно сказывается на дивидендахъ картелей и трестовъ. Но эти варіаціи взаимно компенсируются и общая тенденція, прослѣживающая на извѣстномъ промежуткѣ времени и на рядѣ предпріятій, неизбѣжно оправдывается.

Дѣйствительно. Возникновеніе акціонернаго общества (или увеличеніе капитала уже существующаго) знаменуетъ:—съ одной стороны сплоченіе извѣстнаго капитала, обращаемаго на производительныя цѣли (постройку, покупку машинъ, сырья, оплату рабочихъ), и, одновременно, съ другой стороны, полученіе капиталистами на руки удостовѣреній въ ихъ правѣ получить долю дохода съ указаннаго производительнаго капитала. Но эти удостовѣренія, акціи, именно въ качествѣ свидѣтельствъ на доходъ могутъ продаваться и продаются. А такъ какъ каждый постоянный доходъ, передаваемый въ чужія руки, оцѣнивается какъ капиталъ, равный доходу, капитализированному изъ обычнаго уровня процента, то и акція получаетъ собственную цѣну.

Въ своей совокупности акціи, выпущенныя даннымъ предпріятіемъ, представляютъ право на доходъ съ послѣдняго. Но, въ силу отпаденія отъ акціонера функціи производительнаго капиталиста и его превращенія въ простого ссуднаго капиталиста, указанный доходъ долженъ составить обычный уровень процента на вложенный капиталъ. Капитализировавъ изъ этого процента (+ премія за рискъ) имѣющій быть распредѣленнымъ доходъ, мы получимъ цѣну акціонернаго капитала. Это значитъ: если производительный капиталъ даннаго предпріятія (зданія, машины, сырье, денежная наличность для оплаты служащихъ и рабочихъ и т. д.) составляетъ 1 милліонъ руб. и даетъ 200.000 руб. прибыли, а средній процентъ въ то же время равенъ 5%, то цѣна общей суммы выпущенныхъ акцій будетъ установлена на биржѣ въ 4 милліона рублей. Когда, поэтому, говорятъ: акціонерный капиталъ такого-то общества равенъ такой-то суммѣ, то подъ этимъ разумѣется ничто иное какъ то, что

при данномъ уровнѣ процента прибыль этого общества оцѣнивается ссуднымъ капиталомъ въ такую-то капитальную сумму. Этотъ „акціонерный капиталъ", т.-е. сумма цѣнъ акцій, есть, такимъ образомъ, капиталъ фиктивный, простой результатъ капитализаціи изъ обычнаго процента дохода дѣйствительнаго капитала, закрѣпленнаго въ производствѣ. Кажется, будто существуютъ два капитала: одинъ воплощенный въ зданіяхъ, машинахъ, наличности. товарахъ и т. д., а другой—въ цѣнѣ акцій. На дѣлѣ существуетъ только первый, и только онъ приноситъ прибыль. Но свободный денежный капиталъ, ищущій приложенія, оцѣниваетъ право получить эту прибыль, какъ процентъ, и изъ этой оцѣнки рождается фикція второго капитала въ видѣ цѣны акцій.

Для насъ важна, однако, не эта фикція удвоенія капитала въ видѣ прибавленія къ реально-функціонирующему капиталу еще и цѣны акцій, а весьма реальный результатъ этого превращенія производительнаго капитала, работающаго и, слѣдовательно, закрѣпленнаго въ производствѣ, въ акціи, свободно обращающіяся на денежномъ рынкѣ и приносящія только процентъ, а не предпринимательскую прибыль. Результатомъ этого превращенія является своеобразное экономическое явленіе, которому принадлежитъ громадная роль въ экономической политикѣ: учредительская прибыль. На практикѣ она становится извѣстной одновременно съ возникновеніемъ акціонерной формы предпріятій, а ея роль въ экономическомъ развитіи все ростетъ. По выраженію одного современнаго экономиста, учредительская прибыль касается „существа тѣхъ движущихъ силъ, которыя ведутъ къ расширенію акціонерной формы, дѣлаютъ излишнимъ индивидуальнаго промышленнаго капиталиста, отдаютъ промышленность подъ

господство банковъ... Учредительская прибыль оказывается однимъ изъ наиболѣе мощныхъ фактовъ въ томъ ходѣ развитія, который ведетъ современное хозяйство до его крайнихъ предѣловъ и превращаетъ капиталъ въ совершенно безличную власть". Несмотря, однако, на давнее происхожденіе учредительской прибыли и ея громадную роль въ системѣ современнаго хозяйства, ея научное объясненіе долго заставляетъ ждать себя. Еще Родбертусъ видитъ въ учредительской прибыли—простое „шарлатанство", „пѣнныя брызги отъ настоящаго дѣла". Однако, учредительская прибыль явленіе слишкомъ систематически возникающее, чтобы быть „обманомъ". „Учредительская прибыль не результатъ обмана, не вознагражденіе или заработная плата, а экономическое явленіе Sui generis" [1].

II.

Съ вопросомъ о характерѣ и условіяхъ возникновенія учредительской прибыли связано и рѣшеніе послѣдней существенной экономической проблемы, связанной съ акціонерной формой предпріятій. Дѣйствительно. Мы видѣли, что съ превращеніемъ производительнаго капитала въ фиктивный капиталъ (въ акціи) и созданіемъ рынка этихъ акцій возникаетъ тенденція къ сведенію дохода на акціи (дивиденда) къ обычному уровню процента. Но, въ такомъ случаѣ, куда же утекаетъ предпринимательская прибыль, т.-е. та „чистая" прибыль производства, которая очищается при вычетѣ

---

[1]) Гильфердингъ. Финансовый капиталъ. Стр. М. 1912. стр. 143. Только что цитированный экономистъ считаетъ то разъясненіе учредительской прибыли, которое далъ Гильфердингъ, „очень важнымъ открытіемъ", спеціальной заслугой Гильфердинга.

изъ средней прибыли средняго процента? Ради нея именно и создавалъ свое предпріятіе индивидуальный предприниматель. Куда же скрывается она теперь? На этотъ вопросъ и даетъ отвѣтъ явленіе учредительской прибыли.

Мы знаемъ уже, что сумма „акціонернаго капитала" есть цѣна дохода, капитализированнаго изъ обычнаго уровня процента. Мы видѣли, что цѣна акцій можетъ быть равна 4 милліонамъ, когда дѣйствительно работающій въ предпріятіи капиталъ равенъ всего 1 милліону, приносящему 200.000 прибыли. Разница въ цѣнѣ „акціонернаго капитала" и дѣйствительно-работающаго въ производствѣ капитала объясняется очень просто разницей между величиной капитала, который нужно вложить въ промышленность, и величиной капитала, который нужно кредитовать, чтобы получить одну и ту же сумму дохода, барыша. Если въ данный моментъ промышленность даетъ 20% прибыли на вложенный капиталъ, а средній уровень процента въ то же время равенъ 5%, то для полученія 200.000 ежегоднаго дохода, промышленному предпринимателю надо вложить въ производство 1 милліонъ, а денежному собственнику, не желающему связывать свои деньги въ производствѣ, а ступающему только въ качествѣ ссуднаго капиталиста, а не предпринимателя, пришлось бы для полученія той же суммы дохода ссудить уже 4 милліона.

Но мы уже видѣли, что лица, вкладывающіе свои деньги въ акціи, выступаютъ все въ большей и большей степени, какъ ссудные капиталисты, что доходъ съ акцій все больше и больше приближается именно къ среднему проценту. Такъ возникаетъ разница между той суммой денегъ, которую требуется вложить въ акціи, и той суммой, которую надо закрѣпить въ про-

изводствѣ, чтобы получить *ту же самую* сумму барыша. Чтобы яснѣе представить себѣ эту „хитрую механику", которая сопутствуетъ мобилизаціи капитала и въ которой сказываются всѣ особенности этого процесса, обратимся къ тому же цифровому примѣру, беря его въ самомъ чистомъ, упрощенномъ видѣ.

Пусть какой-либо банкъ рѣшилъ основать въ акціонерной формѣ какой-нибудь заводъ. Заводъ, конечно основывается въ разсчетѣ на полученіе по меньшей мѣрѣ средней прибыли, скажемъ, въ размѣрѣ 20% на вложенный въ производство капиталъ. Для оборудованія производства нуженъ, допустимъ, капиталъ въ 1 милл. руб. Значитъ по разсчету онъ будетъ приносить 200.000 р. прибыли. Но, вообще говоря, веденіе акціонернаго предпріятія предполагаетъ большія издержки, чѣмъ предпріятія индивидуальнаго. Пусть эти повышенныя издержки управленія и т. д. уменьшатъ прибыль завода до 140.000 р. вмѣсто 200.000 р. (такое сильное уменьшеніе допущено нами ради упрощенія дальнѣйшихъ разсчетовъ). Для того, чтобы получить нужный капиталъ банкъ выпускаетъ акціи номинальной стоимостью въ тотъ же милліонъ руб. Денежный капиталъ, ищущій примѣненія, раскупаетъ эти акціи. Однако, на денежномъ рынкѣ эти акціи разсчитываются какъ вложенія *ссуднаго* капитала. Покупающій акцію имѣетъ въ виду получить на вложенный имъ капиталъ лишь процентъ, правда, % выше средняго. (Иначе онъ вложилъ бы свой капиталъ въ менѣе рискованныя бумаги, въ госуд. ренту и т. д.). Допустимъ, что, при среднемъ процентѣ въ 5, капиталистъ вложитъ свои деньги въ акціи завода изъ 7%. При этихъ обстоятельствахъ цѣнность предложенныхъ рынку акцій будетъ разсчитана какъ капиталъ, приносящій изъ 7%—140.000 дохода, т.-е. въ 2.000.000 руб

Итакъ, акціи, номинально стоящія 1 милліонъ, куплены ссуднымъ капиталомъ за 2 милл. Въ производство же будетъ направленъ одинъ милліонъ. Второй милліонъ останется въ рукахъ выпустившаго акціи банка въ качествѣ **учредительской прибыли.**

По поводу этого примѣра нужно сдѣлать два замѣчанія. Во-первыхъ, читатель не долженъ удивляться величинѣ учредительской прибыли: исторія учредительства знаетъ и не такія прибыли! Во-вторыхъ, нами сознательно оставленъ въ сторонѣ самый механизмъ такъ сказать техника, полученія и присвоенія учредительской прибыли. Въ какой именно формѣ, въ какой именно именно моментъ и какими именно техническими методами происходитъ присвоеніе учредительской прибыли той группой или тѣмъ учрежденіемъ, которое выпускаетъ акціи, насъ здѣсь не можетъ интересовать. Это прежде всего вопросъ банковской техники и—въ въ немалой степени—финансоваго „искусства", вырабатываемаго на биржѣ и культивируемаго тѣми сферами, кои именуются „haute finance" [1]). Насъ же интересуетъ лишь вопросъ объ

---

[1]) Это какъ разъ тотъ пунктъ, гдѣ туманъ окутывающій въ глазахъ широкой публики весь процессъ обращенія капитала болѣе всего сгущается. Въ этомъ созданіе учредительской прибыли и весь связанный съ нею процессъ кажется чудодѣйственнымъ процессомъ самозарожденія и самоувеличенія капитала. Такъ какъ и дѣйствительно разыгрывающіяся здѣсь явленія болѣе всего удалены отъ сферы производства и обмѣна матеріальныхъ благъ, то для массы дѣйствующихъ здѣсь лицъ эта связь и совершенно не существуетъ, а вся эта область подчинена вѣдѣнію какихъ-то таинственныхъ мистическихъ силъ, призванныхъ изъ ничего создавать громадные капиталы. Этотъ мистическій туманъ, облегающій вершины капиталистическаго хозяйства, очень полезенъ, однако, тѣмъ, кто „знаетъ толкъ въ этихъ дѣлахъ". Прежде всего онъ влечетъ на биржу и къ спекуляціи

экономическомъ и общественномъ значеніи разсматриваемаго процесса.

Изложенное выше должно было показать намъ, какъ превращеніе производительнаго капитала, приносящаго среднюю прибыль, въ фиктивный капиталъ, въ акціи, приносящія лишь процентъ на вложенныя въ нихъ деньги, создаетъ уже само-по-себѣ учредительскую прибыль. Присмотрѣвшись ближе къ этой учредительской прибыли, мы увидимъ, что она представляетъ ни что иное какъ ту самую предпринимательскую прибыль, которая выскользнула изъ рукъ массоваго акціонера съ момента сведенія дивиденда къ размѣрамъ средняго процента. Въ видѣ учредительской прибыли эта существеннѣйшая часть дохода съ промышленнаго предпріятія капитализирована изъ обычнаго процента и поступила въ этомъ видѣ въ руки „учредителей“, въ руки тѣхъ, кто выпускомъ акцій превратилъ промышленный капиталъ въ капиталъ, приносящій только процентъ, въ акціи, въ фиктивный капиталъ цѣнныхъ бумагъ. Ясно, что чѣмъ ближе стоитъ дивидендъ къ уровню процента, тѣмъ крупнѣе учредительская прибыль, тѣмъ полнѣе воплощается въ ней весь предпринимательскій барышъ. Чѣмъ болѣе доходъ массы владѣльцевъ промышленныхъ цѣнныхъ бумагъ низводится до уровня обычнаго процента, тѣмъ крупнѣе становится учредительская прибыль. А такъ какъ мы уже видѣли—первый процессъ развертывается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе развита акціонерная форма, чѣмъ интенсивнѣе работаетъ биржа, то можно сказать, что

акціями тысячи наивныхъ людей, а затѣмъ онъ же позволяетъ затушевывать истинные размѣры и характеръ операцій крупнѣйшихъ дѣятелей. Вотъ почему, между прочимъ, такъ трудно бываетъ установить дѣйствительные размѣры и учредительской прибыли.

чѣмъ вообще богаче страна денежнымъ капиталомъ, тѣмъ большая часть всего дохода, создаваемаго промышленностью, сосредоточивается въ рукахъ привилегированной группы „учредителей“—финансистовъ.

Въ вышеприведенномъ примѣрѣ акціонеры доставили 2 милліона руб., на нихъ они получаютъ 140.000 р. дохода, т.-е. 7%. Но эти 140.000 руб. дохода производятся лишь однимъ милліономъ капитала, закрѣпленнаго въ промышленности, которая даетъ, по нашему предположенію, за вычетомъ повышенныхъ издержекъ управленія и пр.—14% прибыли. Второй милліонъ, доставленный лицами, купившими акціи, и вмѣщающій капитализированную предпринимательскую прибыль, перешелъ въ руки учредителей. Итакъ, въ видѣ учредительской прибыли „учредители“ экспропріируютъ разъ навсегда предпринимательскую прибыль, предоставляя владѣльцамъ акцій получать лишь процентъ на вложенный ими капиталъ. Это становится возможнымъ благодаря превращенію производительнаго капитала въ акціи и это не „обманъ“ и не „шарлатанство“ лишь потому, что это не только возможное, но и неизбѣжное слѣдствіе экономически-неизбѣжнаго развитія акціонерной формы предпріятій и рынка акцій.

Мы теперь у конца того ознакомленія съ процессомъ мобилизаціи капитала, которое необходимо для нашей темы, и можемъ теперь развернуть .формулу мобилизаціи и оцѣнить этотъ характерный для современной экономической жизни процессъ съ точки зрѣнія экономическаго и общественнаго развитія.

Съ точки зрѣнія чисто-экономической, съ точки зрѣнія движенія капитала, схема явленій, значитъ, такова. Акціонерная форма предпріятій создаетъ — рядомъ съ реальнымъ капиталомъ, закрѣпленнымъ въ производствѣ,—еще и „фиктивный капиталъ“, сумму

цѣнъ выпущенныхъ акцій, разсматриваемыхъ какъ удостовѣренія на доходъ. Биржа создаетъ въ то же время возможность постоянной продажи и перепродажи этихъ удостовѣреній, акцій, Тѣмъ самымъ создается для каждаго индивидуальнаго капитала (и для части его) постоянная возможность быть извлеченнымъ изъ производства въ формѣ денегъ и искать новаго примѣненія. Функція акціонера уравнивается съ функціей ссуднаго капиталиста и доходъ на деньги, вложенныя въ акцію, все болѣе низводится отъ уровня средней прибыли къ уровню процента. Вся же остальная часть прибыли, произведенной въ производствѣ, та именно предпринимательская прибыль, которая въ эпоху господства индивидуальной формы предпріятій цѣликомъ притекала въ руки предпринимателя и ради которой онъ велъ предпріятіе, теперь капитализируется и въ этомъ видѣ присваивается „учредителями“, осуществившими превращеніе производительнаго капитала въ акціи. Всѣ эти явленія, характеризующія мобили-зацію капитала и непосредственно связанныя съ ней, возникаютъ въ извѣстный моментъ, какъ неизбѣжные спутники акціонерной формы предпріятій и фондовой биржи и все болѣе развиваются по мѣрѣ упроченія господства первой и расширенія послѣдней.

Съ точки же зрѣнія всего общественнаго хозяйства въ цѣломъ, историческій процессъ мобилизаціи капитала знаменуетъ прежде всего, что производство все въ большей и большей мѣрѣ ведется не на индивидуальные капиталы отдѣльныхъ производительныхъ капиталистовъ, а на весь наличный денежный капиталъ общества, ссужаемый промышленности. Это чрезвычайно важный фактъ. Онъ вскрываетъ наглядно общественный характеръ не только производства, но и самаго капитала и придаетъ предпріятіямъ послѣдняго

черты общественныхъ предпріятій. На этой именно почвѣ въ предѣлахъ современнаго хозяйства создаются съ одной стороны утопіи о „демократизаціи капитала“, съ другой же разные проэкты „огосударствленія“ тѣхъ или другихъ отраслей промышленности (по примѣру жел.-дорожнаго хозяйства). Какъ бы ни относиться къ этому по существу, во всякомъ случаѣ и эти утопіи, и эти проэкты показываютъ внѣдреніе въ общественное сознаніе мысли объ общественномъ характерѣ производства и средствъ производства. Это стало возможнымъ лишь тогда, когда производство благодаря акціонерной формѣ наглядно оторвалось отъ размѣровъ наличнаго капитала предпринимателя и стало базироваться на всемъ наличномъ свободномъ денежномъ капиталѣ общества. И благодаря этому же, рѣзче чѣмъ когда-либо раньше обрисовался полный разрывъ между функціей собственника и функціей предпринимателя. Въ акціи и въ ея движеніи на рынкѣ,—слѣдовательно, на биржѣ—яснѣе всего проявляется этотъ разрывъ. На биржѣ передвиженіе акціи изъ рукъ въ руки не связано съ ходомъ производства, независимо отъ послѣдняго. Оно совершается по собственнымъ законамъ, не опредѣляется самимъ процессомъ производства или участіемъ въ немъ и въ свою очередь не вліяетъ на его ходъ. Въ акціи „собственность перестаетъ выражать опредѣленное производственное отношеніе и становится свидѣтельствомъ на доходъ, отрѣшеннымъ отъ связи съ какой бы то ни было дѣятельностью. Собственность отрѣшается отъ своего отношенія къ производству, къ потребительной стоимости“ [1]). Въ этомъ именно разрывѣ между движеніемъ собственности и производственнымъ процессомъ коренится

---

[1]) Гильфердингъ, l. c., стр. 212.

источникъ того мистическаго тумана, который окутываетъ биржу и благодаря которому кажется возможнымъ возсозданіе и увеличеніе капитала независимо отъ трудовыхъ процессовъ общества. Такъ, благодаря мобилизаціи капитала, осуществляется въ широкихъ размѣрахъ, во-первыхъ, передача наличнаго денежнаго капитала общества въ руки опредѣленнаго круга капиталистовъ для его примѣненія въ производствѣ и, во-вторыхъ, полный разрывъ между собственностью на этотъ капиталъ (а также правомъ получить съ него доходъ) и какимъ-либо участіемъ въ трудовомъ процессѣ общества. Это, какъ мы сказали, чрезвычайно важный фактъ. Но не менѣе важно и другой результатъ мобилизаціи капитала, именно то, что капиталъ предоставляемый промышленности, выступаетъ на дѣлѣ какъ ссудный капиталъ, оплачиваемый процентомъ, въ то время какъ громаднѣйшая часть прибавочной стоимости, предпринимательская прибыль достается группамъ „учредителей“, т.-е. довольно незначительной по составу сравнительно съ массой акціонеровъ и владѣющей лишь небольшой (опять-таки сравнительно съ общей массой) долей вложеннаго въ промышленность капитала группѣ. Но „учредительство“ становится все въ большей и большей мѣрѣ доступно лишь крупнѣйшимъ финансовымъ учрежденіямъ, банкамъ.

Такъ, между промышленнымъ предпріятіемъ, теряющимъ характеръ индивидуальной собственности и ведущемся за счетъ всего общественнаго капитала, и владѣльцами послѣдняго встаютъ отдѣльныя группы крупнѣйшихъ финансистовъ, сосредоточивающія въ своихъ рукахъ распоряженіе капиталомъ и доходы съ него.

III.

Всѣ тѣ явленія, съ экономической сущностью и общественнымъ значеніемъ которыхъ мы выше познакомились, связаны съ акціонерной формой предпріятій и съ развитіемъ торговли акціями. Они проявляются независимо отъ того, въ какой области промышленности работаетъ данное предпріятіе и каковъ размѣръ его капитала. Требуется только извѣстный уровень развитія промышленности въ странѣ и указанныя выше тенденціи найдутъ себѣ проявленіе все равно въ акціонерномъ ли обществѣ какого-либо пивовареннаго завода или громаднаго желѣзнодорожнаго предпріятія. Онѣ объемлютъ и то и другое.

Но въ современной хозяйственной жизни громадное значеніе пріобрѣтаютъ и другого рода тенденціи, связанныя уже не съ формой предпріятій, а съ ихъ размѣрами и ихъ ролью на рынкѣ. Господство финансоваго капитала зиждется не только на мобилизаціи капитала, которую мы разсмотрѣли, но и на ассоціированіи капитала, которое намъ предстоитъ разсмотрѣть. Мобилизація капитала и порождаемыя ею явленія касаются сферы обращенія капитала и распредѣленія произведенной прибавочной стоимости между его собственниками. Корней же различныхъ формъ ассоціированія капитала надо искать въ самомъ процесѣ производства.

Капиталъ притекаетъ въ ту область производства, гдѣ прибыль выше средней и отливаетъ оттуда, гдѣ она ниже. Таковъ элементарный фактъ, ведущій за собой тенденцію къ установленію нѣкоей средней, равной для всѣхъ капиталистовъ нормы прибыли. Однако, это передвиженіе производительнаго капитала изъ одной области промышленности въ другую всегда

наталкивалось на извѣстныя препятствія въ самомъ характерѣ производства и эти препятствія не уменьшаются, а растутъ съ развитіемъ промышленности. Сами по себѣ эти ростущія препятствія къ передвиженію производительнаго капитала, какъ онѣ ни характерны для современной экономической жизни, насъ здѣсь не могутъ спеціально интересовать. Но въ характеристикѣ системы финансоваго капитала нельзя и совсѣмъ ихъ обойти. Мы, поэтому, ограничимся простой систематизаціей наиболѣе существенныхъ явленій въ этой области.

Понятно, что извлеченіе производительнаго капитала изъ даннаго производства и вложеніе его въ новое тѣмъ легче, чѣмъ меньшая часть капитала закрѣплена въ средствахъ производства (зданіяхъ, машинахъ, сырьѣ) и чѣмъ на меньшій срокъ она закрѣплена. Между тѣмъ, техническое развитіе приводитъ къ тому, что оба эти условія все рѣже оказываются налицо. Та часть капитала, которая вложена въ средства производства, гигантски растетъ сравнительно съ частью, идущей на оплату труда, а въ этой первой части все болѣе увеличивается та доля, которая въ производствѣ закрѣплена на долго. Изслѣдователи указываютъ, что сооруженіе одной доменной печи въ Америкѣ обходится въ 6 милл. марокъ, а оборудованіе тамъ же стального завода въ 20—30 милл. долларовъ. Въ Германіи устройство новой шахты стоитъ до 6 милл. мар. и т. д. При этихъ условіяхъ прибыль можетъ упасть очень низко и все же извлеченіе капитала изъ даннаго производства для перенесенія его въ болѣе благопріятную область становится фактически неосуществимымъ. Но то же относится къ приливу капитала. Суммы, которыя требуются для основанія предпріятія, абсолютно все увеличиваются съ расширеніемъ мас-

штаба производства. И сравнительная недостаточность имѣющагося капитала задерживаетъ для него возможность вступить въ благопріятную, т.-е. обнаруживающую повышеніе прибыли, отрасль промышленности. Далѣе. Если въ данной отрасли промышленности господствовала прибыль выше средней, то для объединенія ея къ среднему уровню требовалось бы лишь извѣстное увеличеніе производства. Но техника не можетъ считаться съ этимъ. Она требуетъ извѣстнаго и достаточно высокаго уровня производительной способности предпріятія. И благодаря этому при современныхъ размѣрахъ предпріятій сооруженіе новаго завода въ какой-либо высоко-капиталистической отрасли сразу сильно увеличиваетъ производство и сваливаетъ прибыль ниже средней нормы [1]).

Все это особо сильно сказывается въ такъ называемой тяжелой индустріи, въ металлургической, желѣзодѣлательной, каменоугольной и т.д. промышленности, которой вообще въ современной экономикѣ принадлежитъ доминирующая роль. Здѣсь вложены огромные капиталы, отливъ которыхъ почти невозможенъ на дѣлѣ; конкурренція ведется гигантами промышленности; техническія преимущества почти уравнены; норма прибыли, вообще говоря, понижается, а каждое новое предпріятіе и паденіе цѣнъ грозитъ уронить ее ниже средняго уровня. И здѣсь же именно возникаетъ тогда тенденція къ уничтоженію конкурренціи, къ объединенію раздѣленныхъ прежде и конкуррировавшихъ между собой предпріятій. Общая тенденція къ концентраціи присущая современному хозяйственному строю, полу-

---

[1]) Подробнѣе см. указ. соч. Гильфердинга, гдѣ соотвѣтствующія явленія прекрасно анализированы въ главѣ „Препятствія уравненію нормы прибыли и ихъ преодолѣніе“.

чаетъ теперь мощный стимулъ для своего прогрессивнаго развитія. Начинается эра ограниченія свободной конкурренціи въ промышленности. Въ центрѣ промышленнаго развитія становятся капиталистическія монополіи. Государство, потребители, капиталисты, все общество оказываются лицомъ къ лицу съ совершенно новымъ явленіемъ, потрясающимъ всю старую организацію промышленности. Для промышленныхъ областей Европы и Америки эта эра начинается въ самомъ концѣ XIX в., а промышленная жизнь слѣдующаго столѣтія уже цѣликомъ окрашена въ соотвѣтствующія цвѣта.

Во имя уничтоженія конкурренціи, ведущей къ пониженію нормы прибыли, прежде всего происходитъ объединеніе, концентрація производства и предпріятій, занятыхъ выработкой однородныхъ продуктовъ. Но въ тоже время развивается и стремленіе къ объединенію предпріятій, принадлежащихъ къ различнымъ областямъ промышленности, но связанныхъ между собой тѣмъ, что одна изъ нихъ доставляетъ сырой матеріалъ для другой.

Для отраслей добывающей промышленности расширеніе производства труднѣе, чѣмъ для обрабатывающей. Благодаря этому при повышенномъ спросѣ на продукты послѣдней цѣна сырья растетъ быстрѣе цѣны готовыхъ продуктовъ. Наоборотъ, при сокращеніи спроса на готовый продуктъ цѣны сырья падаютъ быстрѣе цѣнъ продукта. Въ результатѣ — прибыль обрабатывающей промышленности падаетъ и возвышается за счетъ прибыли добывающей промышленности и, наоборотъ, въ зависимости отъ состоянія рынка готовыхъ продуктовъ. Но мы знаемъ уже, какъ затрудненно перемѣщеніе капиталовъ: оно фактически невозможно, поскольку дѣло идетъ здѣсь объ основахъ

современной промышленности: о желѣзѣ, каменномъ углѣ, чугунѣ и т. д. И уравненіе прибыли достигается теперь лишь единственнымъ способомъ: присоединеніемъ предпріятій одной отрасли къ предпріятіямъ другой, комбинированіемъ ихъ, объединеніемъ, скажемъ, стального завода съ угольными шахтами, или присоединеніемъ добычи руды къ производству чугуна. Въ силу этой зависимости одной отрасли промышленности отъ другой разъ начавшееся объединеніе не можетъ не прогрессировать въ своемъ объемѣ. Объединеніе одной отрасли влечетъ за собой объединеніе и другихъ областей,—ради простой самозащиты сначала,—а затѣмъ и объединеніе ихъ между собой помощью комбинированныхъ предпріятій.

Не многолѣтняя еще, но чрезвычайно бурная исторія объединенія промышленности знаетъ много разнообразныхъ формъ достиженія своихъ цѣлей. Любители классификацій насчитываютъ ихъ чуть ли не десятками. Но съ точки зрѣнія экономическаго развитія, различія даже между главнѣйшими видами объединенія — картелями и трестами—не существенны. И въ той и въ другой формѣ происходитъ концентрація производства во имя возвышенія прибыли и устраненія конкурренціи. Для достиженія этой цѣли объединенная промышленность въ извѣстный моментъ неизбѣжно должна перейти отъ регулированія цѣнъ продуктовъ къ регулированію самого производства, опредѣленію его размѣровъ, распредѣленію его между отдѣльными предпріятіями, вопросамъ техническаго оборудованія ихъ и т. д. Трестъ, въ которомъ отдѣльныя предпріятія слиты воедино, конечно, гораздо болѣе приспособленъ къ выполненію этихъ задачъ, чѣмъ картель, отношенія въ которой опредѣляются отдѣльными договорами.

*

Для насъ важна общая тенденція, а она заключается во все большей концентраціи производства, въ уничтоженіи конкурренціи, въ монополизаціи промышленности, въ томъ, что анархія производства все больше замѣняется его регулированіемъ по общему и единому плану. И слѣдуетъ отмѣтить тутъ же, что характеръ современнаго производства и рынка позволяютъ монополіи и сознательному регулированію установиться раньше, чѣмъ это могло бы показаться.

Объединеніе промышленности стремится по существу своему охватить все болѣе широкія области, считаясь лишь съ тѣмъ, насколько данная отрасль промышленности созрѣла для картелированія, т.-е. организована на высоко-капиталистическихъ основаніяхъ. Однако, для того, чтобы трестъ или картель игралъ въ данной отрасли рѣшающую роль, чтобы онъ господствовалъ непосредственно надъ рынкомъ, а косвенно и надъ всѣмъ производствомъ, нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы онъ включилъ въ свой составъ всѣ предпріятія. Совершенно достаточно, если онъ въ своихъ рукахъ сосредоточитъ ту часть продукта, которому обезпеченъ сбытъ не только въ хорошія, но и въ плохія времена. „Усиленіе конкурренціи постороннихъ въ хорошія времена не вредитъ корпораціи: при уничтоженіи, ихъ корпорація сильнѣе почувствовала бы на своей собственной шкурѣ тяжесть перепроизводства, между тѣмъ какъ теперь она обрушивается, главнымъ образомъ, на постороннихъ“ (т.-е. на невходящихъ въ соглашеніе предпринимателей) [1].

Такимъ образомъ, фактическому господству картеля надъ промышленностью не препятствуетъ наличность рядомъ съ нимъ некартелированнаго производ-

[1]) H. Levy. Die Stahlindustrie in den ereinigten Staaten. 1905.

ства въ извѣстныхъ размѣрахъ. Оно даже полезно для него, позволяя картелю сваливать на плечи этого послѣдняго все неудобство колебаній рынка, захвативъ въ свои руки лишь „тотъ основной контингентъ производства, которой всегда найдетъ сбытъ“. Осуществивъ это, объединенная промышленность пріобрѣтаетъ уже совершенно достаточное значеніе, чтобы 1) реализовать громадныя дополнительныя прибыли въ эпоху повышеннаго спроса, 2) противостоять депрессіи и получать и въ это время—убійственное для ея конкуррентовъ—среднюю прибыль, 3) фактически господствовать надъ цѣнами, рынкомъ и производствомъ и, наконецъ, низвести некартелированныхъ производителей на дѣлѣ отъ роли самостоятельныхъ капиталистовъ къ роли своихъ вассаловъ, а ихъ прибыль къ простому вознагражденію. Это косвенное воздѣйствіе картелей и трестовъ на некартелированную промышленность очень важно, ибо даетъ представленіе объ истинныхъ размѣрахъ ихъ вліянія въ современной экономической жизни.

И дѣло тутъ не въ томъ только, что не вошедшій въ объединеніе предприниматель долженъ считаться съ цѣнами и методами производства могущественнаго треста и картеля. Дѣло для него обстоитъ хуже. Выступаетъ ли трестъ покупщикомъ или поставщикомъ, во всякомъ случаѣ, повышеніе его прибыли есть вычетъ изъ прибыли той отрасли, которая у него покупаетъ или ему продаетъ. Повышеніе прибыли треста есть пониженіе прибыли некартелированныхъ, не объединенныхъ отраслей промышленности. Но этимъ самымъ дальнѣйшее развитіе послѣднихъ затруднено, заторможено. Капиталъ туда не притекаетъ, а стремится уйти оттуда. Обострившаяся конкурренція будетъ еще болѣе понижать прибыль и, наконецъ, спу-

стить ее до уровня „вознагражденія за наблюденіе“ надъ производствомъ. Создавать новыя предпріятія въ этой области представится безполезнымъ и безцѣльнымъ для свободныхъ капиталовъ.

А въ то же время объединенная промышленность будетъ пользоваться всѣми выгодами своего положенія. Ей принадлежатъ всѣ преимущества, которыя связаны съ бо́льшимъ капиталомъ. Она получаетъ повышенную прибыль благодаря устраненію или хотя бы ограниченію конкурренціи. Она получаетъ дополнительную прибыль отъ всякаго техническаго усовершенствованія, ибо способна примѣнить его безъ одновременнаго расширенія производства и, слѣд., понизить издержки производства безъ пониженія рыночной цѣны продукта. Въ ея рукахъ находится регулированіе цѣнъ и, слѣдовательно, возможность поднимать ихъ до очень высокаго уровня, далеко превышающаго издержки производства плюсъ средняя прибыль.

При расширеніи областей промышленности, которыя подвергаются картелированію, вообще говоря существуетъ лишь одна граница для возвышенія цѣнъ картелемъ: сокращеніе потребленія. Цѣна не должна слишкомъ сильно подрывать потребленія — вотъ съ чѣмъ считается картель, и ни съ чѣмъ больше [1]).

Наконецъ, картелированная промышленность повышаетъ свои доходы тѣмъ, что совсѣмъ устраняетъ

---

[1]) Гильфендингъ устанавливаетъ какъ границу картельной цѣны необходимость сохранить за некартелированной промышленностью такую норму прибыли, которая позволила бы сохранить производство. См. стр. 349. Но расширеніе сферы объединенія отодвигаетъ эту границу, правильно характеризующую картельную цѣну въ каждый отдѣльный моментъ,—изъ-за нея выдвигается та граница потребленія, на которую мы указываемъ въ текстѣ

или сильно ограничиваетъ самостоятельную торговлю и присваиваетъ себѣ ея доходы. Въ комбинированномъ предпріятіи торговецъ, игравшій роль посредника между его отдѣльными, нынѣ слившимися частями, дольше не нуженъ. Онъ устраняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ та доля прибавочной стоимости, которая поступала въ его руки, остается нынѣ въ рукахъ самого предпріятія. Всякое же монополистическое объединеніе стремится совершенно уничтожить самостоятельность торговли уже потому, что оно не терпитъ, чтобы между нимъ и рынкомъ, подлежащимъ использованію, стояла самостоятельная фигура купца. Только устранивъ это „средостѣніе“ или, во всякомъ случаѣ, возможность для него самостоятельно устанавливать цѣны картель или трестъ смогутъ дѣйствительно использовать для себя свое вліяніе на рынкѣ. Это не значитъ, конечно, что устраняется техническій аппаратъ торговли; это значитъ только, что монополистическое объединеніе само беретъ на себя роль торговца и, оставляя старый размѣръ торговой прибыли, оплачиваемой потребителемъ, усваиваетъ теперь ее себѣ. Формы, въ которыхъ происходитъ устраненіе самостоятельности торговли, сокращеніе торговаго капитала и переходъ торговой прибыли въ руки объединенной промышленности, весьма разнообразны и не могутъ насъ здѣсь занимать, но общій результатъ концентраціи производства для области торговли прекрасно выраженъ въ словахъ берлинскаго купеческаго старшины: „Купецъ вынужденъ выполнять приказанія картелей; самостоятельное соображеніе исчезаетъ; его торговлѣ отводится опредѣленный районъ, внѣ котораго ему нечего искать; ему диктуютъ цѣны, по которымъ онъ получаетъ товары, и даже цѣны, по которымъ онъ ихъ можетъ продавать“. „При такихъ условіяхъ, добавляетъ кол-

лега опечаленнаго купеческаго старшины, отъ самостоятельности торговли ничего не остается" [1]). Торговцы, даже сохраняя всю свою внѣшнюю самостоятельность, подобно мелкимъ предпринимателямъ, превращаются въ агентовъ картеллированной промышленности, и она удѣляетъ имъ комиссіонное вознагражденіе, увеличивая свою прибыль на всю разницу между нимъ и старой прибылью торговца.

Все это должно было привести и приводитъ къ одному результату: къ увеличивающемуся господству трестовъ и картелей; къ захвату ими въ свои руки все большей части капиталистически-организованнаго производства; къ ихъ рѣшающей роли на рынкѣ; къ тому, что они становятся доминирующими факторами въ экономической эволюціи страны и въ опредѣленіи торговой, а затѣмъ и вообще международной политикѣ государства. Картелированіе и трестированіе, концентрація производства и предпріятій—историческій процессъ, для котораго развитіе современнаго хозяйства мало-по-малу—отъ одной отрасли къ другой—создаетъ всѣ объективныя и субъективныя предпосылки. Нынѣ уже почти половина (около 225 милліардовъ франковъ) всей суммы капиталовъ, вложенныхъ въ промышленныя предпріятія всего міра (эта сумма оцѣнивается въ 500 милліардовъ фр.), сосредоточена въ картеллированныхъ и трестированныхъ предпріятіяхъ. А между тѣмъ эпоха широкаго развитія картелей и трестовъ датируетъ лишь съ половины 90-хъ г.г. XIX в., т.-е. является характерной чертой хозяйственной эволюціи лишь послѣднихъ 20—25 лѣтъ. Но зато и понять крупнѣйшія соціальныя и международныя

---

[1]) Цитировано у С. Загорскаго. „Синдикаты и тресты". П. 1914, стр. 150.

событія этихъ годовъ безъ должнаго вниманія къ указанному процессу—невозможно, ибо отнынѣ именно въ трестахъ и картеляхъ воплощается могучая сила экономической власти, и въ ихъ рукахъ сходятся нити самой гибкой и самой сильной изъ извѣстныхъ современности формъ зависимости—зависимости экономической [1]).

---

[1]) Читатель, быть можетъ, не посѣтуетъ на насъ за извлеченіе изъ ряда спеціальныхъ работъ нѣсколькихъ цифръ, иллюстрирующихъ сказанное въ текстѣ о ростѣ и значеніи объединеній въ промышленности. Годомъ основанія перваго треста (въ Америкѣ) считается 1882 г. Однако, до 1898 г. тресты являются скорѣе единоличными исключительными явленіями. Эпоха ихъ дѣйствительнаго и непрерывнаго развитія начинается съ 1898 г. по цензу 1900 г. капиталъ 185 трестовъ, насчитывавшихся оффиціальной статистикой С.-А. С. Штатовъ, равнялся 3, 6 милліардовъ долл., но изъ этой суммы 64% составляли капиталъ трестовъ, возникшихъ только въ 1898 и 99 г.г. На 1 іюня 1902 г. этотъ капиталъ возросъ уже до 6,2 милліардовъ долл., а къ 1 сент. 1903 г. до 8,7 милліардовъ. Упомянутые 185 трестовъ, составляя 0,036% всего количестза промышленныхъ предпріятій С. Штатовъ, вырабатывали 14,1% всѣхъ товаровъ, произведенныхъ за годъ въ Штатахъ. Послѣдующія данныя говорятъ, что въ 1908 г. число трестовъ въ С. Штатахъ достигло 10.020, а ихъ капиталъ 31,6 милліардовъ долл., т.-е. въ нихъ вложено около 30% всего національнаго богатства Штатовъ, исчисляемаго въ 110 милліардовъ долл. Вообще же картеллированная и трестированная промышленность въ своихъ различныхъ формахъ сосредоточила въ своихъ рукахъ 80% всего капитала, вложеннаго въ промышленность, торговлю и транспортъ. Цифры 1900 г. кажутся мизерными сравнительно съ этими цифрами: трестъ есть произведеніе XX в. Въ Германіи трестъ всѣхъ существовавшихъ къ 1905 г. соглашеній создано въ періодъ 1896—905 г.г. Большинство англійскихъ соглашеній (ихъ число доходитъ до 800) создано въ 1900-хъ г.г. Что касается степени ихъ вліянія на рынкѣ то оно характеризуется тѣмъ, что уже къ 1900 году тресты поставляли на американскій рынокъ отъ 45 до 65% всѣхъ соотвѣтствующихъ товаровъ. Въ Германіи Рейнско-Вестфальскій

IV.

Возникая какъ имманентный результатъ развитія капиталистическаго хозяйства, тенденція къ концентраціи, къ трестированію промышленности не находитъ себѣ противодѣйствующаго начала въ основныхъ посылкахъ современнаго производства и потому — съ точки зрѣнія экономической—не имѣетъ передъ собой границы. Конечный результатомъ этой тенденціи былъ бы **всеобщій трѣстъ**.

Къ подобному расширенію сферы объединенія промышленности, вѣрнѣе къ укрѣпленію стремленія въ эту сторону ведетъ еще одно обстоятельство, которое мы должны здѣсь хотя бы кратко отмѣтить. Сказка о томъ, что картели и тресты способны будто бы ограничить и даже совсѣмъ уничтожить торгово-промышленные кризисы, сказка, возникшая на зарѣ развитія трестовъ и съ такимъ увлеченіемъ разсказанная и Эд. Бернштейномъ, нынѣ уже никого не увлекаетъ и окончательно сдана въ архивъ многочисленныхъ иллюзій, порождаемыхъ въ извѣстныхъ кругахъ каждымъ поворотовъ экономической эволюціи. Нынѣ изслѣдователи неизбѣжно сходятся на томъ, что благодаря гигантскому расширенію производства и росту прибылей, сопровождающихъ картелированіе, оно скорѣе

угольный синдикатъ сосредотачиваетъ въ своихъ рукахъ 54% всей добычи угля въ Германіи. Все производство чугуна монополизировано Эссенскимъ синдикатомъ. Такъ же обстоитъ дѣло со сталью въ Германіи и Америкѣ, съ нефтью въ Америкѣ, съ цементомъ въ Англіи и т. д. и т. д. Многочисленныя цифры, даваемыя иностранными изслѣдователями объединенія промышленности въ различныхъ странахъ, воспроизведены на русскомъ языкѣ въ цитированной работѣ Загорскаго. Какъ ни громадны эти цифры сами по себѣ онѣ, однако, далеко отстаютъ отъ дѣйствительности, считающейся лихорадочно-быстрымъ темпомъ.

обостряетъ, чѣмъ смягчаетъ кризисы. Это происходитъ потому, что въ своемъ современномъ видѣ картели, регулируя отдѣльныя отрасли промышленности, не способны, однако, устранить диспропорціональности во всемъ производствѣ въ цѣломъ. „Только въ томъ случаѣ—пишетъ г. Туганъ-Барановскій—картели могли бы уничтожить колебанія капиталистическаго развитія, если бы они организовали не только отдѣльныя отрасли промышленности, но и накопленіе всего общественнаго капитала и планомѣрное размѣщеніе его по разнымъ отраслямъ производства и при томъ не въ отдѣльныхъ странахъ, а во всемъ міровомъ капиталистическомъ хозяйствѣ въ совокупности. Но подобная задача, конечно, не подъ силу картелямъ“ [1]).

Это—несомнѣнно. Подобная задача для своего осуществленія требуетъ другихъ общественныхъ силъ и другихъ общественныхъ принциповъ, чѣмъ картели и высота ихъ прибыли. Но если эта задача не подъ силу картелямъ, то это не значитъ еще, что въ нихъ не существуетъ стремленія взять ее на себя во имя осуществленія въ полной мѣрѣ своихъ интересовъ, интересовъ роста и устойчивости прибылей. „Если ожидаютъ уничтоженія кризисовъ отъ единичныхъ отдѣльныхъ картелей — это свидѣтельствуетъ лишь о непониманіи дѣйствительныхъ причинъ кризисовъ“, — пишетъ Гильфердингъ, мнѣніе котораго, какъ мы видимъ, вполнѣ совпадаетъ въ данномъ случаѣ съ мнѣніемъ г. Туганъ-Барановскаго. Но—продолжаетъ онъ—„экономически былъ бы возможенъ всеобщій картель; ко-

---

1) М. Туганъ-Барановскій. Періодическіе промышленные кризисы. СПБ. 1913, стр. 463.

торый руководилъ бы всѣмъ производствомъ и такимъ образомъ устранилъ бы кризисы“ [1]).

Эта экономическая „возможность“ есть, однако, просто описательное выраженіе того, что подобная тенденція есть налицо въ современныхъ картеляхъ и трестахъ, что изъ области кризисовъ и колебаній рынка исходитъ новый могущественный толчокъ ко все болѣе широкому, все болѣе глубокому регулированію производства, къ расширенію существующихъ объединеній, къ упроченію стремленія въ сторону всеобщаго труда. „Здѣсь все производство сознательно регулируется изъ одной инстанціи, которая опредѣляетъ размѣръ производства во всѣхъ его сферахъ... Картель распредѣляетъ продуктъ... Само распредѣленіе сознательно урегулировано... Изъ новаго продукта извѣстная часть достается рабочему классу и интеллигентамъ, другая остается у картеля, и онъ можетъ употреблять ее на что угодно“ [1]). Это означало бы сосредоточеніе всей промышленности въ рукахъ группы картельныхъ магнатовъ, обезпеченіе за ними всей силы экономическаго могущества и всей власти надъ опредѣленіемъ экономической политики страны, присвоеніе

---

[1]) „Онъ былъ бы мыслимъ экономически, хотя соціально и политически такое состояніе является дѣломъ неосуществимымъ, такъ какъ антагонизмъ интересовъ, доведенный ими до крайнихъ предѣловъ, неизбѣжно привелъ бы къ его крушенію“—тутъ же поясняетъ свою мысль Гильфердингъ, l. c., стр. 447. Добавимъ отъ себя, что осуществленіе этого „всеобщаго картеля“ есть предпосылка тѣхъ мрачныхъ картинъ, которыя нарисованы въ самыхъ пессимистическихъ „романахъ будущаго“ Уэллса, какъ „Грядущіе люди“ и „Машина времени“. Въ нихъ превосходно угаданы соціальныя послѣдствія торжества той тенденціи, о которой говорится въ текстѣ.

[1]) Гильфердингъ. l. c., стр. 353.

ими въ наиболѣе обнаженномъ видѣ продуктовъ народнаго труда.

Такова тенденція. Она неосуществима въ чистомъ видѣ въ силу, какъ мы только что видѣли, мотивовъ соціально-политическаго характера [1]). Но она реально воплощается въ дѣятельности современныхъ объединеній промышленности и съ нею какъ съ реальной угрозой пытается бороться государство методомъ даже уголовныхъ каръ.

Два результата этого процесса должны остановить здѣсь наше вниманіе, какъ непосредственно связанныя съ имперіализмомъ. Оба неотдѣлимы отъ роста картелированія и только въ связи съ нимъ развертываютъ все свое значеніе. Одинъ относится къ вопросу о приложеніи капитала, другой къ вопросу о томъ, въ чьихъ рукахъ находится распоряженіе послѣднимъ.

Трестированіе обозначаетъ громадное накопленіе прибылей, усиленный ростъ денежныхъ суммъ въ рукахъ хозяевъ объединенной промышленности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно обозначаетъ и ограниченіе возможности примѣнять въ картелированныхъ областяхъ вновь накопленные капиталы. А вмѣстѣ съ тѣмъ,— мы видѣли, задерживается развитіе некартелированныхъ областей и, благодаря пониженію въ нихъ прибыли, вложеніе въ нихъ новыхъ капиталовъ становится невыгоднымъ. Въ то же время картелированіе, сокращая или вовсе уничтожая извѣстныя сферы торговли, освобождаетъ значительную часть торговаго капитала, который тоже начинаетъ искать примѣненія. Такимъ

[1]) „Ни одинъ народъ—писалъ еще въ 80-хъ г.г. авторъ „Herrn Eugen Dühring Umwälzung der Wissenschaft"—не потерпѣлъ бы производства, руководимаго единымъ трестомъ, такой неприкрытой эксплоатаціи общества небольшой кучкой отрѣзывателей купоновъ".

образомъ, по мѣрѣ роста треста и картелей все большія массы капитала ищутъ приложенія и не находятъ его. Создается интенсивное движеніе къ экспорту капитала, къ вывозу его заграницу и примѣненію его въ новыхъ, не переполненныхъ капиталомъ территоріяхъ.

Это одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ международной, экономической и политической жизни послѣднихъ десятилѣтій. Эпоха конца XIX и начала XX вѣковъ есть эпоха экспорта капитала и, слѣд., борьбы за области экспорта—по преимуществу. Рѣзкое обостреніе этого вопроса есть результатъ обоихъ разсмотрѣнныхъ нами процессовъ, мобилизаціи капитала и концентраціи промышленности въ видѣ ея картелированія и трестированія. И, поистинѣ, экспортъ капитала хочетъ и можетъ измѣнить „лицо міра".

Что такое экспортъ капитала во всемъ своемъ объемѣ, съ этимъ мы и знакомимся ниже. А теперь обратимся къ вопросу о томъ, какія измѣненія вноситъ объединеніе промышленности въ вопросъ о распоряженіи капиталомъ, о власти надъ нимъ, слѣдовательно, и о томъ, въ чьихъ рукахъ находится и рѣшеніе проблемъ, создаваемыхъ потребностью экспорта.

Тресты, картели, комбинаціи—вся область объединяющейся и концентрирующейся промышленности есть область господства акціонерной формы предпріятій. Къ ней, значитъ, въ полной мѣрѣ приложимы всѣ тѣ явленія, съ которыми мы познакомились, анализируя эту форму предпріятій въ чистомъ видѣ. Такъ какъ здѣсь акціонерная форма облекаетъ гигантскія предпріятія, то и все, связанное съ этой формой, пріобрѣтаетъ здѣсь соотвѣтственно широкіе размѣры. Гигантской становится та часть функціонирующаго въ промышленности капитала, которая не принадлежитъ

самимъ промышленнымъ предпринимателямъ, и за которую истинные хозяева производства выплачиваютъ лишь ссудный процентъ (въ трестахъ иногда соотвѣтственно повышенный) [1]). Гигантскими, благодаря этому, становятся и учредительскіе барыши. Тотъ процессъ, который, какъ мы видѣли, связанъ съ самой формой мобилизаціи капитала и который заключается въ томъ, что предпринимательская прибыль капитализируется и присваивается „учредителями“, здѣсь получаетъ полное выраженіе въ доходахъ финансовыхъ группъ, стоящихъ во главѣ объединенной промышленности. Перекапитализація („разводненіе“ акціонернаго капитала), раздѣленіе акцій на „привилегированныя“ и „обыкновенныя“, обращеніе дивидендовъ на запасный капиталъ, увеличеніе акціонернаго капитала на основѣ повышенной доходности, и десятки другихъ методовъ выработанныхъ практикой крупнѣйшихъ акціонерныхъ обществъ (трестовъ)—ведутъ все къ той же цѣли, къ сосредоточенію прибыли въ рукахъ небольшого числа „учредителей“ и истинныхъ хозяевъ предпріятія. Ибо—къ непосредственнымъ результатамъ разсматриваемаго процесса принадлежитъ то, что дѣйствительная власть надъ предпріятіемъ и капиталомъ принадлежитъ отнюдь не массѣ владѣльцевъ выпущенныхъ акцій.

„Акціонерное общество есть общество капиталистовъ... Право голоса и вообще размѣры вліянія опредѣляются размѣромъ платежа... Слѣдовательно,

---

[1]) См. примѣчаніе на стр. 16. Добавимъ тутъ, что спеціальныя манипуляціи съ выплатой дивидендовъ, такъ называемая „дивидендная политика“, приводитъ въ общемъ къ тому, что массѣ мелкихъ акціонеровъ и здѣсь достается лишь доходъ незначительно повышенный надъ уровнемъ процента, въ то время какъ колоссальные барыши достаются господствующей группѣ крупнѣйшихъ акціонеровъ-учредителей.

власть распоряжаться всѣмъ предпріятіемъ отдается въ руки владѣльцевъ большей части акціонернаго капитала. Значитъ, чтобы распоряжаться акціонернымъ обществомъ требуется только половина капитала,—не требуется владѣть всѣмъ капиталомъ, какъ для распоряженія частнымъ предпріятіемъ... Однако, та сумма капитала, которая достаточна для господства надъ акціонернымъ обществомъ, на практикѣ оказывается обыкновенно еще меньше, составляя всего отъ 1/3 до 1/4 капитала и даже ниже... Но еще большую силу пріобрѣтаетъ капиталъ, подчиняющій себѣ акціонерное общество, если дѣло идетъ уже не объ одномъ отдѣльномъ акціонернаго обществѣ, а, напротивъ, о системѣ зависящихъ другъ отъ друга обществъ. Съ развитіемъ акціонернаго дѣла развивается особая финансовая техника, ставящая своей задачей обезпечить по возможности малому собственному капиталу господство надъ возможно огромнымъ чужимъ капиталомъ". Высказанныя соображенія Гильфердингъ подтверждаетъ примѣромъ того, какъ для подчиненія себѣ мощной системы желѣзныхъ дорогъ въ С. Америкѣ оказалось достаточнымъ для „учредителей" — всего 15 милліоновъ долл. А что скрывается за безобидными словами „Система зависящихъ другъ отъ друга обществъ" раскрывается хотя бы въ слѣдующихъ цифрахъ. Американскимъ желѣзнодорожнымъ обществамъ принадлежатъ акціи и облигаціи горно-промышленныхъ, транспортныхъ, фабрично-заводскихъ, земельныхъ и строительныхъ, электрическихъ обществъ въ общей суммѣ на 460 милл. ф. ст. Въ свою очередь, стальному тресту принадлежатъ акціи 31 жел. дороги. Нефтяной трестъ распоряжается капиталомъ 62 другихъ промышленныхъ обществъ съ акціонернымъ капиталомъ въ 175 милл. ф. ст. Онъ контролируетъ, между про-

чимъ, мѣдный трестъ, въ составъ котораго, между другими, входитъ общество, въ свою очередь контролирующее 5 крупныхъ обществъ съ капиталомъ около 60 милл. ф. ст. и т. д. и т. д. [1]).

Эти цифры и констатируемое ими стремленіе крупнѣйшихъ организацій взять въ свои руки капиталы другихъ, технически-постороннихъ имъ предпріятій, показываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ у небольшого числа группъ, обладающихъ относительно малымъ—сравнительно, конечно!—капиталомъ сосредоточивается распоряженіе и господство надъ огромными капиталами, вложенными въ современную промышленность, транспортъ, торговлю и т. д. Мы видимъ здѣсь концентрацію экономической власти независимо отъ концентраціи собственности. Въ лицѣ этихъ группъ воплощена наличная власть общества надъ производительными силами, господство его надъ накопленнымъ и затрачиваемымъ капиталомъ и трудомъ.

Но что это за группы? Каково ихъ положеніе и функція съ общественной точки зрѣнія?

Кто онъ, замѣняющій игру свободной конкурренціи, этотъ палладіумъ капиталиста XIX в., регулированіемъ производства и имѣющій возможность сосредоточить въ своихъ рукахъ направленіе народно-хозяйственной жизни въ такой степени, въ которой это и не мечталось индивидуальному капиталисту-предпринимателю?

Мы знаемъ, что промышленность все болѣе концентрируется и путемъ устраненія или ограниченія конкурренціи въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ сознательно регулируется, поднимая такимъ образомъ свои доходы.

---

[1]) Вышеуказанные цифры и факты, заимствованные у Liefman, Moody, Jenks, Meade и др, приведемъ, между прочимъ, въ указанной работѣ г. Загорскаго.

Мы знаемъ также, что эта концентрированная, планомѣрно-регулируемая и повышенно-доходная промышленность ведется нынѣ во все большей степени не за счетъ индивидуальныхъ капиталовъ отдѣльныхъ предпринимателей и ихъ накопленій, а за счетъ всего свободнаго денежнаго капитала всего общества и его накопленія. Мы видѣли, наконецъ, что передача этого капитала въ производство происходитъ путемъ его мобилизаціи.

Но это значитъ, что доминирующая роль въ организаціи промышленной жизни страны и въ руководствѣ ею принадлежитъ по праву тѣмъ, кто фактически имѣетъ возможность собрать свободный денежный капиталъ, имѣющійся въ обществѣ, заплатить за него обычный процентъ, устранить его собственниковъ отъ всякаго непосредственнаго участія въ распоряженіи имъ и—затѣмъ—централизовавъ его, вложитъ этотъ капиталъ въ производство, получивъ на свою долю всю производимую имъ въ производствѣ прибыль. Но въ современномъ обществѣ и дѣлаютъ и могутъ дѣлать такъ только—банки. Въ этомъ словѣ отвѣтъ на поставленный выше вопросъ. Господство банковъ надъ промышленностью—есть неизбѣжный плодъ и высшая ступень современнаго хозяйства. Съ нимъ вмѣстѣ приходитъ эпоха финансоваго капитала и смѣняетъ эпоху капиталиста-предпринимателя, какъ эта послѣдняя въ свое время смѣнила эпоху торговаго и ростовщическаго капитала. А вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и весь „стиль“ эпохи, ибо финансовый капиталъ приноситъ съ собой и свою политику и свое собственное пониманіе международныхъ проблемъ—проблемъ мірового рынка—и новую, своеобразную группировку общественныхъ силъ и интересовъ. И чтобы понять все то новое, что принесъ и несетъ съ собой финансо-

вый капиталъ, намъ теперь, послѣ анализа мобилизаціи и концентраціи капитала, остается познакомиться съ этимъ послѣднимъ звеномъ—банкомъ и его современнымъ значеніемъ.

V.

Банки созданы потребностью въ кредитѣ и для него. Но роль, объемъ и формы кредита измѣняются съ ходомъ хозяйственнаго развитія. Первоначальной областью примѣненія кредита является торговый капиталъ (кредитъ государственный и муниципальный мы оставляемъ здѣсь и во всемъ дальнѣйшемъ въ сторонѣ). Банки въ эту эпоху обслуживаютъ по преимуществу торговцевъ, а промышленныхъ предпринимателей лишь постольку, поскольку послѣдніе выступаютъ покупщиками и продавцами товаровъ. Орудіе этого кредита—векселъ и операціи банкировъ въ основномъ исчерпываются торговлей векселями промышленниковъ и купцовъ. По отношенію къ послѣднимъ интересъ кредитнаго учрежденія ограничивается вопросомъ о ихъ платежеспособности и дальше не простирается. Однако, это ограниченіе области и формы кредита—и, слѣдовательно, дѣятельности банковъ—удерживается лишь до тѣхъ поръ, пока въ промышленности господствуетъ индивидуальная форма предпріятій и пока она удовлетворается тѣмъ капиталомъ, который находится въ рукахъ этихъ индивидуальныхъ предпринимателей.

Все это измѣняется съ развитіемъ промышленности. Во-первыхъ, съ ростомъ предпріятій она во все большей мѣрѣ предъявляетъ спросъ на кредитъ вообще и она требуетъ его—во-вторыхъ, — не только для оборотнаго, но и для основного капитала.

Но когда банкъ кредитуетъ оборотный капиталъ (на покупку сырья и т. п.), это значитъ, что онъ даетъ деньги на сравнительно-короткій срокъ (на тотъ періодъ времени покуда сырье не превратится въ товаръ и будетъ продано) и заинтересованъ лишь въ данной операціи. Получитъ ли предпріятіе послѣ того новый заказъ, найдетъ ли вновь рынокъ для своего продукта, какова будетъ его прибыль—все это ничуть не интересуетъ банкира. Иное дѣло, когда часть его денегъ вложены въ основной капиталъ (въ зданія, машины и т. д.). Она, значитъ, вложена надолго, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, теперь уже кредиторъ-банкъ заинтересованъ не въ исходѣ той или иной операціи предпріятія, а во всей его судьбѣ. Вопросъ о рынкѣ, объ уровнѣ прибыли интересуетъ теперь кредитора такъ же, какъ и самого предпринимателя. Банкъ и промышленное предпріятіе прочно и надолго оказываются связанными между собой. И эта связь необходимо растетъ и углубляется по мѣрѣ роста фиксированнаго въ производствѣ капитала, по мѣрѣ роста масштаба предпріятій, кратко говоря, по мѣрѣ увеличенія той доли денежныхъ запасовъ всего общества, которая вкладывается въ промышленность.

Сейчасъ указанная связь банковъ съ промышленностью находится, такимъ образомъ, въ зависимости отъ размѣровъ промышленныхъ предпріятій. Но она получаетъ дѣйствительное осуществленіе и громадное развитіе благодаря акціонерной формѣ предпріятій, т.-е. благодаря мобилизаціи капитала.

Дѣйствительно. Доставить основной капиталъ индивидуальному предпринимателю для банка—невозможно. Вѣдь это значило-бы просто передать наличныя деньги банка въ руки промышленнаго предпріятія на долгій срокъ и почти безъ контроля. Доставить же капиталъ

акціонерному обществу значитъ выдать деньги, которыя немедленно же и во всякомъ случаѣ независимо отъ времени оборота капитала въ производствѣ возвращаются въ банкъ въ видѣ цѣны проданныхъ акцій. Превращеніе капитала, вложеннаго въ производство, въ продаваемыя и перепродаваемыя бумаги-акціи обозначаетъ, такимъ образомъ, для банка возможность доставлять промышленнымъ предпріятіямъ и ихъ основной капиталъ. Это первое. Но эта же способность акцій постоянно реквизоваться въ денежной формѣ позволяетъ теперь банкамъ вложить въ нихъ на тотъ или другой срокъ и свои собственные наличные капиталы. Отдать свою наличность отдѣльному капиталисту на постройку доменной печи для банка невозможно: это значило бы связать капиталъ банка и ждать его возращенія до того момента, когда производство печи окупитъ ея постройку; это значило бы, что банкъ пересталъ быть банкомъ. Но вложить свои деньги въ акціи бщества доменныхъ печей вполнѣ возможно, ибо акціи эти всегда могутъ быть превращены въ деньги.

Но, доставивъ промышленному предпріятію капиталъ, вложивъ свои деньги въ его акціи, банкъ отнынѣ прочно заинтересованъ во всемъ ходѣ предпріятія, въ обезпеченности его рынка, въ размѣрахъ его прибылей, въ ходѣ конкурентной борьбы, въ курсѣ его акцій. Онъ стремится и добивается для себя контроля, участія въ распоряженіи предпріятіемъ. Онъ стремится осуществить это въ возможно большемъ числѣ предпріятій, чтобы контроль этотъ принялъ дѣйствительный характеръ. „Крупные банки—пишетъ авторитетный изслѣдователь отношеній банковъ и промышленности, Iedels—стремятся завязывать по возможности многостороннія связи съ промышленными предпрія-

тіями—многостороннія въ отношеніи мѣста и отраслей производства, и по мѣрѣ сихъ устранять неравномѣрность въ распредѣленіи этихъ связей. Рука объ руку съ этимъ идетъ стремленіе консолидировать отношенія къ промышленности, превратить ихъ въ регулярныя постоянныя связи, выразить ихъ и дать имъ по возможности дальнѣйшее расширеніе и углубленіе" [1]).

Для иллюстраціи сказаннаго тотъ же Iedels и др изслѣдователи приводятъ слѣдующія цифры. Въ наблюдательныхъ совѣтахъ, которымъ принадлежитъ общее руководство акціонерныхъ обществъ, только шесть крупнѣйшихъ берлинскихъ банковъ располагали 751 мѣстомъ. Треть всѣхъ мѣстъ директоровъ и членовъ этихъ Совѣтовъ (почти 3000) принадлежитъ 197 лицамъ. Отдѣльные представители банковъ занимаютъ мѣсто членовъ и директоровъ въ 30—40—50 акціонерныхъ обществахъ. Одинъ „Германскій банкъ" представленъ въ совѣтахъ 220 предпріятій. Фирма Моргана въ 1906 г. была представлена въ 109 предпріятіяхъ (сюда входятъ банки, желѣзныя дороги, пароходныя компаніи, заводы, страховыя общества и пр.) и т. д. и т. д. Но иллюстрируемая этими цифрами степень вліянія банковъ на промышленность еще очень далека отъ ихъ дѣйствительнаго вліянія. У банковъ есть еще болѣе острыя орудія контроля и воздѣйствія на промышленныя предпріятія, чѣмъ участіе въ совѣтахъ послѣднихъ. Это-такъ называемая операція по текущимъ счетамъ и репортъ. Текущій счетъ представляя „основную ось всѣхъ операцій банковъ съ промышленностью", въ то же время даютъ возможность банку постоянно судить о ходѣ предпріятія и контролировать его. Значеніе этой операціи для про-

---

[1]) Jedels., „Das Verhältniss der Grossbanken zur Industrie". L. 1905, стр. 180.

мышленности все ростетъ. Репортъ—это биржевая операція. Биржа—внѣ нашей темы и поэтому мы только кратко укажемъ, что въ репортной сдѣлкѣ биржевой дѣятель передаетъ на время право собственности на акціи владѣльцу денежнаго капитала, т. е. на дѣлѣ тому же банку. На современной биржѣ эта сдѣлка пріобрѣтаетъ все большее значеніе сравнительно съ другими и поглощаетъ наибольшую долю текучаго капитала [1]). Но помимо всего прочаго, эта операція—объемъ которой все расширяется—имѣетъ для банка то значеніе, что благодаря ей онъ получаетъ возможность безъ труда и во всякое время пріобрѣсти на короткій срокъ акціи интересующаго его почему-либо предпріятія. А что это значитъ, объ этомъ просто и ясно разсказалъ одинъ экспертъ германской биржевой анкеты. „Посредствомъ репорта—говорилъ этотъ экспертъ—онъ (т.-е. банкъ) обезпечиваетъ себѣ большое количество акцій къ тому мѣсяцу, когда должно состояться общее собраніе. Онъ выступаетъ какъ собственникъ нѣсколькихъ милліоновъ акцій,—которыя принадлежатъ вовсе не ему,—внезапно выступаетъ передъ солидными акціонерами, которые ни о чемъ не догадываются; они разомъ подвергаются неожиданному нападенію, имъ преподносятся такія милыя вещи, которыхъ они и не предчувствовали". Сколь бы ни было, однако, драматично положеніе „Солидныхъ акціонеровъ", въ репортѣ банки находятъ лишь новый методъ воздѣйствія на промышленность, новый путь для подчиненія ея себѣ.

---

[1]) Въ опредѣленіи этого растущаго и основного значенія репорта на современной биржѣ сходятся одинаково и юристы и экономисты. Ср., напр., Шершеневича, l. c., стр. 2278 и Гильфердинга. стр. 209.

Сама биржа, которая въ теоріи представляетъ изъ себя свободный и для всѣхъ открытый рынокъ промышленныхъ акцій, на дѣлѣ попадаетъ во все большую зависимость отъ банковъ. Расширяя и сжимая кредитъ покупщикамъ и продавцамъ цѣнныхъ бумагъ, баики воздѣйствуютъ на уровень процента. Выступая сами въ качествѣ таковыхъ, они воздѣйствуютъ на курсъ бумагъ. Удовлетворяя предложеніе и спросъ своихъ кліентовъ въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, они сжимаютъ сферу дѣятельности собственно биржи. Будучи лучше знакомы съ положеніемъ промышленныхъ предпріятій, имѣя возможность направлять ихъ дѣятельность, они оказываются болѣе сильной стороной на биржѣ. Въ результатѣ этотъ свободный рынокъ цѣнныхъ бумагъ самъ въ большой степени попадаетъ въ зависимость отъ крупнѣйшихъ банковъ и судьба бумагъ промышленныхъ предпріятій все больше опредѣляется именно ими.

Такъ, съ одной стороны растетъ заинтересованность банковъ въ длинномъ и разнообразномъ рядѣ промышленныхъ предпріятій, а съ другой стороны— ихъ способность воздѣйствовать на послѣднія. Этимъ опредѣляется и громадная роль банковъ въ процессѣ объединенія промышленности.

Мы видѣли, что источники этого процесса коренятся въ самомъ производствѣ и въ стремленіи предпринимателей къ повышенію своихъ прибылей. Но банки оказываютъ на этотъ процессъ могущественное вліяніе, гигантски ускоряя его, укрѣпляя объединенную промышленность и укрѣпляясь сами въ этомъ процессѣ. Въ концѣ концовъ можно сказать, что относительно объединенной промышленности именно банки выступаютъ въ роли организаторовъ, а затѣмъ и истинныхъ руководителей ея.

Дѣйствительно. Вложивъ капиталъ въ различныя предпріятія, банкъ заинтересованъ не въ томъ, чтобы одно изъ нихъ повысило свою прибыль за счеть другого, а, наоборотъ, въ устойчивости и повышеніи прибыли всего этого ряда предпріятій. Если бы развитіе конкурренціи привело одно изъ этихъ предпріятій къ пониженію прибылей, а затѣмъ и къ банкротству, то для банка это знаменовало бы лишь обезцѣненіе вложеннаго имъ капитала. Ожидать спокойно этого момента банкъ не можетъ.

Но не только устраненіе конкурренціи между предпріятіями, въ которыхъ онъ заинтересованъ, а и вообще устраненіе всякой конкурренціи и установленіе монополіи въ данной отрасли промышленности—ради повышенія прибыли—властно диктуется банку его интересами съ момента установленія его связи съ промышленностью. Отсюда та тенденція банковъ, которую Гильфердингъ характеризуетъ какъ „абсолютное стремленіе банка къ устраненію конкурренцій (въ промышленности). „Уже самый техническій принципъ банковъ дѣлаетъ банки въ основѣ противниками конкурренціи—формулируетъ свои выводы другой изслѣдователь,—имъ особенно важно устраненіе конкурренціи въ промышленности путемъ картелей. Крупные банки тамъ гдѣ промышленное развитіе особенно сильно, всегда вполнѣ сознательно поддерживаютъ процессъ концентраціи“ [1]). На службу этого своего „абсолютнаго стремленія“ къ монополизаціи рынка банки, какъ мы только что видѣли, могутъ поставить свои весьма могущественные способы воздѣйствія на промышленныя предпріятія. Для нихъ конкурренція можетъ оказаться невыгодной уже тогда, когда отдѣльныя предпріятія

---

[1]) Jedels, l. c., стр. 253.

могутъ еще возлагать на нее свои надежды. Тогда банковая политика приводитъ къ картелированію и трестированію гораздо ранѣе, чѣмъ къ этому бы вынудило предпріятіе дальнѣйшее развитіе конкуренціи. Съ вмѣшательствомъ банковъ концентрація производства и предпріятій гигантски ускоряется, а вмѣстѣ съ тѣмъ зависимость промышленности отъ банковъ принимаетъ наиболѣе интенсивный характеръ.

Корень же этой зависимости промышленности отъ банковъ находится въ томъ, что именно въ послѣднихъ концентрированъ необходимый для нея капиталъ. Только здѣсь, въ банкахъ сосредоточенъ въ большихъ массахъ и временно бездѣйствующій капиталъ предпринимателей и наличныя сбереженія всѣхъ другихъ классовъ общества. Распоряженіе этимъ капиталомъ зависитъ отъ банковъ. Путь отъ промышленности къ необходимымъ ей денежнымъ капиталамъ лежитъ черезъ банкъ. Онъ является фактически распорядителемъ всего національнаго денежнаго капитала и только черезъ его посредство этотъ капиталъ можетъ быть доставленъ промышленности, т.-е. можетъ быть выполнено превращеніе денежнаго капитала въ производительный капиталъ путемъ его обмѣна на акціи, путемъ его мобилизаціи.

Это—основная черта послѣдней ступени современнаго развитія. Она обозначаетъ зависимость промышленности отъ банковъ и господство финансоваго капитала, „капитала, находящагося въ распоряженіи банковъ и примѣняемаго промышленниками“. Отнынѣ банкамъ принадлежитъ та спеціальная, экономическая и политическая, мощь, которая въ современномъ обществѣ обезпечена за тѣмъ, кто въ своихъ рукахъ сосредотачиваетъ распоряженіе капиталомъ. Это тѣмъ вѣрнѣе, что съ концентраціей собственности владѣніе

акціями крупнѣйшихъ акціонерныхъ предпріятій и акціями самихъ банковъ сосредотачивается въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ. Руководители трестовъ и картелей и руководители банковъ, въ концѣ концовъ, сливаются въ одну доминирующую въ экономической жизни страны группу финансистовъ.

Мы видимъ, что въ руки банковъ переходитъ функція превращенія денежнаго капитала въ производительный капиталъ путемъ его обмѣна на акціи [1]). Но это значитъ, что отнынѣ банкъ же реализуетъ и учредительскую прибыль, что ему достается капитализированный предпринимательскій доходъ. Такъ же какъ собственникъ акцій, не выполняя никакой функціи въ производствѣ, получаетъ часть произведенной въ немъ стоимости, такъ и банкъ, равнымъ образомъ не участвующій въ производственномъ процессѣ, реализуетъ въ свою пользу остальную часть этой стоимости. И по мѣрѣ того, какъ доходъ акціонера—дивидендъ—сводится для массы ихъ все больше къ простому проценту на выданныя имъ деньги, банку достается все большая часть всего результата хозяйственнаго труда. Онъ получаетъ это не за какую-либо кредитную сдѣлку (выпускъ акцій—не есть кредитъ), не за участіе въ производственномъ процессѣ, а за то лишь, что ему принадлежитъ распоряженіе всѣмъ денежнымъ капиталомъ общества и что онъ направляетъ и распредѣляетъ его въ промышленности. Въ видѣ учредительской, которую теперь мы можемъ уже назвать эмиссіонной, прибыли банку достается капитализированная предпринимательская прибыль. Она зависитъ—

---

[1]) „Обмѣнъ“ употребленъ здѣсь не въ строгомъ смыслѣ, который имѣетъ этотъ терминъ въ политической экономіи, а лишь какъ описательное выраженіе процесса мобилизаціи капитала.

при данномъ уровнѣ процента—отъ общей доходности промышленныхъ предпріятій. Банкъ, поэтому, ближайшимъ образомъ заинтересовывается въ послѣдней. Устраненіе конкуренціи, установленіе монополіи въ производствѣ, поднятія цѣнъ, расширеніе рынка, увеличеніе капиталовъ путемъ новыхъ выпусковъ акцій, роль иностранной конкуренціи въ промышленности, завоеваніе для нея новыхъ рынковъ, таможенная политика—все это находитъ себѣ отнынѣ свое отраженіе въ прибыляхъ банка и составляетъ для него теперь существеннѣйшій интересъ. Къ этому прибавляется и то, что распоряжаясь громадными капиталами, главенствуя надъ отдѣльными предпріятіями и располагая вообще громаднымъ спеціальнымъ могуществомъ, банкъ можетъ и долженъ воздѣйствовать на рѣшеніе всѣхъ указанныхъ вопросовъ въ гораздо большей степени, чѣмъ это видѣли мы когда-либо индивидуальный предприниматель предшествующей эпохи. Банкъ, начавшій свою дѣятельность какъ простой кредиторъ, интересующійся лишь платежеспособностью своего должника, нынѣ объемлетъ своими интересами всѣ вопросы, связанные съ производствомъ и, вообще, хозяйственной жизнью страны. Въ его лицѣ финансовый капиталъ господствуетъ надъ послѣдней и пріобрѣтаетъ доминирующее значеніе въ рѣшеніи всѣхъ проблемъ внутренней и внѣшней политики, связанныхъ съ хозяйственной жизнью государства. А что же не связано съ послѣдней въ политикѣ промышленныхъ странъ?

Тутъ уже мы можемъ отмѣтить одинъ непосредственный и весьма важный для политики финансоваго капитала результатъ его господства. Къ индивидуальному капиталисту предпринимательская прибыль притекаетъ медленно, постепенно и во всякомъ случаѣ сообразно съ ходомъ производства. Но къ банкамъ

она въ видѣ учредительской прибыли притекаетъ сразу крупными концентрированными массами и независимо отъ дѣйствительнаго періода оборота въ производствѣ. Приложеніе этихъ крупныхъ капиталовъ въ картелированныхъ областяхъ означало бы, вообще говоря, пониженіе цѣнъ и пониженіе прибылей; приложеніе ихъ въ некартелированныхъ областяхъ—затруднено.

Такъ, проблема экспорта капитала, которую мы отмѣтили, какъ результатъ объединенія промышленности, еще больше обостряется для банковаго капитала. Объединенная, трестированная промышленность и банки совпадаютъ въ своемъ интересѣ къ экспорту капитала, къ новымъ областямъ его приложенія. И они обладаютъ достаточнымъ могуществомъ, чтобы сдѣлать изъ этого спеціально интересующаго ихъ вопроса стержень всей національной политики!

Вмѣстѣ съ мощью банковъ—и какъ бы для завершенія всей картины господства финансоваго капитала—ростетъ и ихъ концентрація. Сфера взаимной конкуренціи для банковъ вообще ограничена, а установленіе связей съ картелированной промышленностью приводитъ и въ банковой дѣятельности къ концентраціи сначала капиталовъ въ отдѣльныхъ банкахъ, а затѣмъ и самихъ банковъ. Въ Германіи этотъ процессъ привелъ къ господству 8 крупнѣйшихъ банковъ, которые въ 1910 г. одни располагали капиталомъ въ въ 1,2 милліарда марокъ, что составляетъ около половины капитала, принадлежащаго всѣмъ 165 банкамъ Германіи. 6 изъ этихъ 8 банковъ стояли во главѣ особыхъ банковыхъ союзовъ, обнимающихъ 450 финансовыхъ учрежденій съ общимъ капиталомъ болѣе 2,5 милліардовъ мар. (общій акціонерный капиталъ всѣхъ германскихъ акц. банковъ равнялся къ этому моменту 2,8 милліардамъ). Два банка изъ этихъ 6

объединяли 91% всего капитала объединенныхъ въ консерны учрежденій и 1,4 милліарда капитала [1]).

Не иначе обстоитъ дѣло и въ С. Штатахъ, гдѣ немногочисленныя группы финансистовъ, представителей банковаго капитала, управляютъ экономическими силами страны. Англія отнюдь не характерна для интересующаго насъ процесса (въ ней связь банковъ съ промышленностью и объединеніе послѣдней развивалось сравнительно слабѣе, чѣмъ въ Германіи и С. Штатахъ), но и въ ней за одно десятилѣтіе концентрація банковъ привела къ уменьшенію ихъ количества на 54% при одновременномъ увеличеніи ихъ операцій (пассивныхъ) на 63%. (Ibid). Послѣ этихъ краткихъ справокъ насъ не удивитъ выводъ, къ которому приводитъ предшествующее изложеніе и который мы здѣсь формулируемъ подлинными словами Гильфердинга. „Съ развитіемъ банковаго дѣла, съ возростающей глубиной связей между банками и промышленностью усиливается тенденція съ одной стороны къ устраненію конкуренціи между банками, съ другой—къ концентраціи всего капитала въ формѣ денежнаго капитала и къ тому, что производительные капиталисты получаютъ его въ свое распоряженіе лишь при посредствѣ банковъ. Въ своемъ послѣдовательномъ развитіи эта тенденція привела бы къ тому, что одинъ банкъ или одна группа банковъ стала бы располагать всей совокупностью денежнаго капитала. Такой „центральный банкъ“ осуществлялъ бы *контроль надъ всѣмъ общественнымъ производствомъ*“ [1]).

Эта тенденція къ „центральному банку“, идущая изъ сферы обращенія капитала, совпадаетъ съ той

---

[1]) Цыфры даны Riesser'омъ. Die. d. Grossbanken und ihre Konzentration. 1912. Ср. Загорскій. ук. соч.

[1]) L. c. стр. 262. Ср. также стр. 354. Кур. нашъ.

тенденціей къ „всеобщему тресту“, которая идетъ изъ сферы производства и которую мы констатировали выше, и, совпадая, эти тенденціи создаютъ „великую концентрированную мощь финансоваго капитала“. Для насъ важно въ данный моментъ не то, какъ и въ какихъ формахъ могли бы эти тенденціи получить полное осуществленіе, а то, что ими уже сейчасъ констатируется высокая степень концентраціи всего производства матеріальныхъ благъ и централизація управленія имъ. Это громадный шагъ впередъ въ дѣлѣ организаціи хозяйственной жизни современнаго общества [1]). Но, какъ мы видѣли, эта организація находится въ рукахъ финансоваго капитала. Крупный нѣмецкій предприниматель Ратгенау сказалъ: „300 человѣкъ управляютъ всей промышленной жизнью Германіи“. Этимъ сказано, что въ лицѣ этихъ „300“ воплощено то сознательное руководство производительными силами страны, которымъ можетъ располагать современное общество. Но, не зная и не интересуясь знать, кто именно эти лица, мы можемъ утверждать, что съ общественной точки зрѣнія ихъ „управленіе промышленной жизнью“ есть управленіе ею финансовымъ капиталомъ. Въ другой формѣ ту же мысль выразилъ Гильфердингъ, сказавъ въ заключеніе своего изслѣдованія, что у кого въ рукахъ шесть крупнѣйшихъ берлинскихъ банковъ тотъ непосредственно господствуетъ

---

[1]) Выражаясь терминомъ г. Струве („Хозяйство и цѣна“, 1913) это есть высокая ступень „раціонализаціи“ общественнаго процесса. Однако самъ г. Струве, воюя въ указанной работѣ съ соціальными теоріями, предвидящими еще болѣе глубокую и еще болѣе полную „ираціонализацію“ ихъ и стремящимися къ къ этому, упустивъ изъ виду, что она создается уже современнымъ хозяйствомъ. Это обезплодило всю его критику указанныхъ теорій.

надъ важнѣйшими сферами крупной промышленности и косвенно подчиняетъ себѣ всю промышленность. Таково значеніе финансоваго капитала въ современной хозяйственной жизни.

Когда писались вышеприведенныя слова Гильфердинга, авторъ ихъ не подозрѣвалъ еще, какъ скоро дѣйствительность—въ нѣсколько неожиданной, правда, формѣ—подтвердитъ его теоретическій выводъ. Тотъ „военно-промышленный совѣтъ“ въ Германіи, свѣдѣнія о которомъ въ началѣ войны проникли въ печать, видимо, призванъ какъ разъ планомѣрно регулировать всю промышленную жизнь страны черезъ входящихъ въ его составъ представителей банковъ и картелей. Это стало возможнымъ лишь потому, что уже предварительно и на чисто экономической почвѣ это руководительство было фактически концентрировано въ рукахъ послѣднихъ. Въ данномъ случаѣ вся промышленная организація страны черезъ посредство банковъ поставлена на службу милитарному государству, осуществляющему е я ж е, имперіалистическія задачи. Но самая возможность осуществленія этого въ широкихъ размѣрахъ показываетъ, что концентрированіе производства и установленіе зависимости его отъ банковъ привело уже къ тому, что промышленная жизнь въ цѣломъ легко можетъ быть подчинена общественному контролю и руководству.

Поэтому-то наблюдатели англійской общественно-экономической жизни за послѣдніе мѣсяцы могутъ съ полнымъ правомъ говорить о крутой ломкѣ въ „методахъ руководства многими отраслями народнаго хозяйства Англіи“, о томъ, что на мѣсто индивидуалистической организаціи рынка и хозяйствованія становится „новая общественная организація“. Эта организація не ограничивается контро-

лемъ надъ рынкомъ въ смыслѣ установленія только цѣнъ товаровъ, но все больше должна переходить къ руководству и производствомъ ихъ, а, слѣдовательно, и осуществляетъ въ широкой степени сознательное регулированіе производства и централизацію управленія имъ. Въ этомъ смыслѣ указанныя тенденціи одинаково подготовлены предшествующимъ экономическимъ развитіемъ всѣхъ промышленныхъ странъ и проявляются и въ Англіи, какъ и въ Германіи.

Если же въ Германіи этотъ контроль и руководство находится въ рукахъ милитарнаго государства, то это отнюдь не значитъ, что и всегда такъ будетъ и что этотъ контроль не можетъ принять другихъ формъ... Впрочемъ для насъ этотъ опытъ важенъ лишь какъ показатель той мощи, которую современная, хозяйственная жизнь предоставляетъ финансовому капиталу.

VI.

Мы познакомились съ экономическими предпосылками господства финансоваго капитала и формой этого господства; взглянемъ теперь на нѣкоторыя изъ ближайшихъ послѣдствій этого господства, на то, что можно назвать политикой финансоваго капитала.

Разъ утвердившись, господство финансоваго капитала оказываетъ вліяніе, можно сказать безъ преувеличенія, на всѣ стороны общественной жизни. Положеніе массы населенія,—и какъ потребителей и какъ производителей,—формы ея участія въ общественной жизни, экономическая политика страны, торговая политика государства, проблемы внѣшней политики, соотношеніе общественныхъ классовъ и группъ, даже идеологія ихъ,—все это претерпѣваетъ серіозныя ви-

доизмѣненія подъ воздѣйствіемъ новыхъ тенденцій, находящихъ свое завершеніе въ господствѣ финансоваго капитала.

Мы остановимся здѣсь только на нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣдствій, именно на тѣхъ, которыя ближайшимъ образомъ охватываются понятіемъ „имперіализма“ и которыя настолько близко связаны съ самой сущностью финансоваго капитала, что самое его господство можетъ быть названо господствомъ имперіализма, а самъ онъ—„имперіалистскимъ капиталомъ“. Ибо въ основѣ своей имперіализмъ есть ничто иное, какъ выраженіе въ области внѣшней политики государства внутреннихъ тенденцій финансоваго капитала. Это—то же явленіе, лишь разсматриваемое подъ различнымъ угломъ зрѣнія.

Тутъ нужно сдѣлать одну оговорку, на которой, впрочемъ, мы не можемъ долго останавливаться. Финансовый капиталъ, возникая, находитъ данную страну въ извѣстныхъ исторически-сложившихся условіяхъ ея существованія. Упрачиваясь, онъ дѣйствуетъ извѣстнымъ образомъ на ихъ дальнѣйшее развитіе, но и его собственное развитіе принимаетъ то или другое направленіе въ зависимости отъ этихъ условій. Политическое положеніе внутри страны и исторически-данная международная обстановка прямо и непосредственно опредѣляютъ и характеръ средствъ, которыми располагаетъ финансовый капиталъ въ своихъ агрессивныхъ замыслахъ и объектъ его стремленій. Германія и Соед. Штаты въ одинаковой степени страны финансоваго, имперіалистскаго капитала. Однако, конкретная политика финансоваго капитала тамъ и здѣсь будутъ сильно различаться одна отъ другой, хотя бы уже потому, что въ Германіи онъ находитъ крупные остатки феодальнаго прошлаго и законченную мили-

тарную систему, которыхъ не было и нѣтъ въ Соед. Штатахъ, потому, далѣе, что исторія и географія дѣлаютъ объектомъ его стремленія въ одномъ случаѣ Африку и Среднюю Азію (для Германіи), Южную Америку и побережья Тихаго Океана (Китай!) въ другомъ (для С. Штатовъ). Если и тутъ и тамъ дѣло идетъ по существу объ одномъ и томъ же—о новыхъ рынкахъ,—то конкретное различіе и самихъ этихъ рынковъ, и тѣхъ методовъ, съ которыми можно къ нимъ подступить, обуславливаетъ длинный рядъ различій въ политикѣ имперіалистическаго расширенія: степень его интенсивности, большую или меньшую активность и брутальность, возможность располагать широкимъ общественнымъ сочувствіемъ и т. д. и т. д.

Мы въ послѣдующемъ оставляемъ въ сторонѣ всю эту конкретную обстановку, всю наличную политику державъ. Нашей задачей будетъ отмѣтить только нѣкоторыя о б щ і я тенденціи, связанныя съ финансовымъ капиталомъ, тѣ тенденціи, которыя присущи ему вообще, несмотря на все различіе ихъ проявленій въ данныхъ историческихъ условіяхъ.

Съ одной изъ этихъ характерныхъ чертъ мы уже встрѣтились, говоря о трестированіи промышленности и о созданіи крупныхъ учредительскихъ, эмиссіонныхъ барышей для банковъ. Это—сильнѣйшее обостреніе для эпохи господства финансоваго капитала вопроса объ экспортѣ капитала. Вся важность этого вопроса выяснится намъ, однако, еще болѣе, если мы предварительно остановимся на связанномъ съ нимъ вопросѣ, на торговой политикѣ финансоваго капитала вообще.

Было время,—доисторическій періодъ для финансоваго капитала, время господства индивидуальнаго строя и индивидуальнаго капиталиста-предпринимателя въ промышленности, время свободной конкурренціи,—

когда вопросы торговой политики, казалось, окончательно рѣшены и для теоріи, и для практики. Это время охватываетъ среднія десятилѣтія XIX в., время уничтоженія таможенныхъ пошлинъ въ Англіи, „кобденовскаго“ англо-французскаго договора, полнаго торжества теоріи свободной торговли въ политической экономіи. Англія, превышавшая уровнемъ своего промышленнаго развитія всѣ другія страны, стала въ силу этого же классической страной свободной торговли. Въ своемъ старомъ по времени изданіи, но поучительнѣйшемъ именно для нашего времени „Историческомъ очеркѣ развитія идей свободной торговли и началъ государственнаго вмѣшательства“ проф. Янжулъ цитируетъ между прочимъ слова, съ которыми обратился къ англійскому парламенту Р. Баднэлль и которыя вполнѣ выражали духъ эпохи: „Свободный трудъ и свободныя нестѣсняемыя коммерческія отношенія между человѣкомъ и человѣкомъ и между націей и націей наилучшимъ образомъ способствуютъ собранію богатства и успѣху цивилизаціи человѣчества; наоборотъ, монополіи, пошлины, стѣсненія, запрещенія препятствуютъ образованію богатства, разрушаютъ промышленность и цивилизацію. Поэтому свобода торговли есть благословленіе, стѣсненіе же, или запрещеніе въ промышленности и торговлѣ есть проклятіе“ [1]).

Эта увѣренность въ абсолютной выгодности началъ свободной торговли была такъ велика въ ту эпоху у представителей промышленности, что вождь либеральнаго англійскаго капитала, Кобденъ, черезъ 16 лѣтъ послѣ Баднэлля утверждалъ: „примите политику свободной торговли (въ Англіи), и не будетъ въ Европѣ

[1]) Янжулъ, Англійская свободная торговля, т. II, М. 1882, стр. 309.

тарифа, который черезъ менѣе, чѣмъ пять лѣтъ не послѣдовалъ бы вашему примѣру". Та же увѣренность въ томъ, что интересы промышленнаго капитала всегда и вездѣ связаны со свободной торговлей, сказывается черезъ 6 лѣтъ послѣ цитированныхъ словъ Кобдена—въ утвержденіи его соратника Алисона, что „чѣмъ долѣе другіе націи будутъ отказываться послѣдовать нашему (англійскому) примѣру уничтоженіемъ своихъ тарифовъ, тѣмъ долѣе наше господство продолжится". Слова Баднэлля относятся къ 1830 г., слова Кобдена къ 1846, а Алисона—къ 1852, а вотъ что писалъ русскій историкъ ихъ идей въ 1882 г. „Въ 1853 г. ассоціація протекціонистовъ была распущена и закрыта, а съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени (до 1892 г. Л. Р.), хотя и встрѣчались въ Англіи многія общества схожаго характера, но уже чисто-протекціонистскія общества, не прикрытыя такъ называемымъ „принципомъ взаимности", болѣе въ Англіи не возникаютъ...

Такимъ образомъ, въ этой любопытной и знаменательной борьбѣ двухъ началъ въ торговой политикѣ, протекціонизмъ оказался рѣшительно побѣжденнымъ и торжественно сложилъ оружіе" [1]).

Но побѣда принциповъ свободной торговли выразилась не только въ ихъ прямомъ осуществленіи въ политикѣ Англіи, но и въ томъ,—и это, пожалуй, не менѣе характерно для эпохи,—что даже защитники протекціонизма на европейскомъ континентѣ и въ Америкѣ сами смотрѣли на защищаемыя ими охранительныя пошлины какъ только на неизбѣжное и временное зло, только какъ на средство „воспитать" промышленность своихъ отсталыхъ странъ, защитивъ ее

---

[1]) Янжулъ. L. c. стр. 428, 330, 302.

отъ конкурренціи Англіи, чтобы затѣмъ и какъ можно скорѣе перейти къ той же свободѣ торговли.

Такъ разсуждала эпоха индивидуальнаго капиталиста-предпринимателя. Такъ не разсуждаетъ и не можетъ разсуждать картелированная промышленность и эпоха финансоваго капитала. Картели и финансовый капиталъ измѣняютъ въ корнѣ всю постановку вопроса о международныхъ торговыхъ сношеніяхъ и придаютъ охранительнымъ пошлинамъ тотъ характеръ, котораго онѣ никогда не имѣли даже въ устахъ своихъ прежнихъ защитниковъ. Не говоря уже о континентѣ и С. Штатахъ, которые вообще никогда не торопились слѣдовать совѣтамъ и оправдывать надежды англійскихъ фритрэдеровъ и гдѣ нынѣ безраздѣльно и непоколебимо господствуетъ протекціонизмъ, но и о самой Англіи уже въ концѣ 90-хъ гг. нельзя было повторить тѣхъ словъ Янжула, которыя были абсолютной истиной въ началѣ 80-хъ. Переходъ тяжелой индустріи Англіи на сторону протекціонизма—несомнѣненъ. Для объединенной промышленности и для заинтересованнаго въ ней банковаго капитала вопросъ объ охранительныхъ пошлинахъ есть существеннѣйшій вопросъ и вопросъ, допускающій только одинъ, а именно утвердительный отвѣтъ уже потому, что во-1-хъ) охранительныя пошлины упрачиваютъ монополію на рынкѣ и вообще служатъ базой трестовъ и картелей, и потому во-2-хъ), что онѣ даютъ имъ новыя дополнительныя прибыли. Уже этихъ двухъ мотивовъ, аппелирующихъ, какъ мы видѣли, непосредственно къ карману, было бы достаточно, чтобы протекціонизмъ могъ теперь опереться на всю соціальную и политическую мощь финансоваго капитала. Но есть еще и третій, не менѣе существенный мотивъ непреоборимой тяги картелей къ охранительнымъ пошлинамъ, и онъ

заключается—какъ бы это ни показалось страннымъ на первый взглядъ—въ томъ, что охранительныя пошлины эмансипируютъ объединеную промышленность отъ національнаго рынка какъ въ смыслѣ расширенія ея производства, такъ и въ смыслѣ сравнительной независимости его отъ періодовъ кризисовъ и депрессіи.

Первые два мотива не нуждаются въ подробныхъ поясненіяхъ. Предыдущее изложеніе, въ которомъ мы для объясненія основной тенденціи къ объединенію промышленности не имѣли нужды обращаться къ таможенной политикѣ государства, показало намъ, что само-по-себѣ картелированіе не связано съ охранительными пошлинами. Ясно, однако, съ другой стороны, что картелированіе идетъ тѣмъ успѣшнѣе и быстрѣе, чѣмъ меньше число конкуррентовъ и что устойчивость монополіи на рынкѣ тѣмъ больше, чѣмъ менѣе возможно появленіе на немъ заграничныхъ товаровъ. Подтвержденіемъ этому служитъ вся исторія объединенія промышленности и развитія банковаго капитала въ С. Штатахъ и въ Германіи, гдѣ связь успѣховъ картелированія и протекціонизма такъ наглядна, что она заставила многихъ изъ первыхъ изслѣдователей вопроса нерѣдко прямо относить весь этотъ процессъ за счетъ протекціонизма. Противопоказаніемъ можетъ служить Англія, гдѣ свобода торговли сильнѣйшимъ образомъ задерживала (но не могла, конечно, задержать) монополизацію рынка и о которой изслѣдователь англійскихъ трестовъ говоритъ, что „слабость всякой формы комбинаціи въ Соед. Королевствѣ вытекаетъ изъ того, что безпрепятственно допускается иностранная конкурренція. Если бы удалось устранить ее, прочность комбинацій необыкновенно

возросла бы, и всѣ условія проблемы измѣнились бы" [1]).

Съ точки зрѣнія картелированной промышленности не можетъ быть и рѣчи о снятіи или уменьшеніи охранительныхъ пошлинъ, а лишь о ихъ введеніи, гдѣ ихъ еще нѣтъ, и о ихъ повышеніи тамъ, гдѣ онѣ существуютъ. Дѣло въ томъ, что таможенная охрана не только стимулируетъ ростъ картелей и охраняетъ ихъ монопольное положеніе, но и даетъ имъ новую дополнительную прибыль, сверхъ той, которая достигается картелированіемъ самимъ по себѣ. Это вытекаетъ изъ того, что, добившись монопольнаго положенія на охраненномъ пошлинами рынкѣ, картель затѣмъ можетъ поднимать внутреннія цѣны надъ цѣнами мірового рынка на всю сумму пошлинъ. Дѣйствіе того закона, по которому повышательное дѣйствіе на цѣны со стороны охранительныхъ пошлинъ прекращается съ того момента, какъ сама національная промышленность оказывается способной къ вывозу,—дѣйствіе этого закона прерывается съ установленіемъ монополіи. Наоборотъ. Теперь для картеля, монополизировавшаго внутренній рынокъ, чѣмъ выше пошлины, тѣмъ выгоднѣе, ибо тѣмъ больше можно поднять внутреннія цѣны надъ уровнемъ цѣнъ мірового рынка. „Стремленіе къ повышенію пошлины становится столь же безграничнымъ, какъ стремленіе къ прибыли.

Картелированная промышленность непосредственно въ величайшей степени заинтересовывается въ количественныхъ размѣрахъ охранительныхъ пошлинъ... и не только на свои продукты, но и на продукты тѣхъ

---

[1]) Macrosty. The Trust Movement in British Industry, 1907, стр. 342. Ср. также Гильфердингъ, стр. 462—3.

отраслей, которыя ведутъ дальнѣйшую переработку“ [1]). Не трудно понять, что по мѣрѣ сосредоточенія руководства отдѣльными отраслями промышленности и отдѣльныхъ трестовъ и картелей въ рукахъ финансоваго капитала, послѣдній становится непреклоннымъ проводникомъ безусловнаго протекціонизма. Новая добавочная прибыль, создаваемая для него охранительными пошлинами и ростущая съ ростомъ, — есть просто налогъ на потребителя, простой вычетъ изъ его дохода въ пользу картельныхъ кассъ. Касса картеля смѣняетъ здѣсь кассу государства, въ которую раньше при свободной конкурренціи на внутреннемъ рынкѣ поступала вся обусловленная пошлиной разница между внутренней и міровой цѣной даннаго продукта... Но, какъ мы указали, не только это превращаетъ всю картелированную и идущую къ картелированію промышленность въ безусловныхъ поборниковъ протекціонизма. Къ этому ведетъ и неизбѣжное, непреоборимое въ данныхъ хозяйственныхъ условіяхъ стремленіе каждой капиталистически-организованной отрасли промышленности къ расширенію производства. Это—элементарное, техническое условіе ея существованія. Но тѣмъ выше это стремленіе у картелированной промышленности. Остановка въ расширеніи производства,—а тѣмъ паче длительное сокращеніе его,—для нея часто было бы обезцѣненіемъ громадныхъ капиталовъ. Однако, повышенныя цѣны на внутреннемъ рынкѣ неизбѣжно привели бы къ этому—путемъ сокращенія потребленія,—если бы картель не искалъ и не находилъ для себя выхода изъ этого противорѣчія въ сбытѣ заграницу. Но заграницей онъ можетъ продавать лишь по міровой цѣнѣ, а побѣждать въ

[1]) Гильфердингъ, l. c., стр. 463—4.

конкуренціи на міровомъ рынкѣ—еще болѣе понижая цѣны на свои продукты. И для картеля, выступающаго на міровомъ рынкѣ, весь вопросъ въ томъ, насколько онъ далеко можетъ пойти въ пониженіи цѣнъ. А это, зависитъ отъ высоты той дополнительной прибыли, которую онъ благодаря охранительнымъ пошлинамъ получилъ на своемъ внутреннемъ рынкѣ. Чѣмъ дороже продаетъ онъ дома, тѣмъ дешевле можетъ онъ продавать заграницей, тѣмъ, значитъ, обезпеченнѣе постоянное расширеніе предпріятія, тѣмъ меньше его размѣры зависятъ отъ смѣны періодовъ, подъема и кризиса на національномъ рынкѣ, тѣмъ, наконецъ, обезпеченнѣе высота цѣнъ на послѣднемъ. Эти цѣны, вѣдь, могли бы упасть при переполненіи рынка товарами, если бы не существовала возможность легкаго сбыта излишковъ заграницу. И картелированная промышленность, дѣйствительно, всѣми мѣрами форсируетъ заграничный сбытъ. Преміи за вывозъ становятся однимъ изъ существеннѣйшихъ пріемовъ торговой политики объединенной промышленности. Какую роль играетъ заграничный экспортъ для картелей и синдикатовъ могутъ показать слѣдующія цифры, касающіяся Германіи: онъ поглощалъ отъ 15,5 до 21,2% всего производства угольнаго синдиката, 21,3—36,7%—коксоваго, 23,2—38,2%—стального и т. д. А достигалось это тѣмъ, что угольный синдикатъ продавалъ свои продукты на иностранномъ рынкѣ на 5,8—8,2% дешевле, чѣмъ на внутреннемъ; въ коксовомъ разница между цѣнами для внутренняго и заграничнаго потребителя доходила до 5,5%, въ стальномъ она доходитъ до 14 и 20 марокъ на тонну различныхъ продуктовъ; синдикатъ спирта продавалъ продуктъ заграницу вдвое дешевле, чѣмъ дома и т. д. и т. д. [1]).

---

1) Соотвѣтствующія данныя см. у Загорскаго, стр. 137 сл. 204 сл.

Все это зданіе построено и держится только на охранительныхъ пошлинахъ: безъ нихъ эта политика просто немыслима. И въ той же мѣрѣ, въ какой картели и банки заинтересованы въ своемъ собственномъ существованіи и въ высотѣ своихъ прибылей, въ той же мѣрѣ они заинтересованы въ охранительныхъ пошлинахъ, и не во временномъ ихъ существованіи, какъ былъ заинтересованъ предприниматель середины XIX в. въ Европѣ и Америкѣ, а въ ихъ постоянномъ существованіи и постоянномъ возвышеніи ихъ ставокъ. Мысль о томъ, что охранительныя пошлины должны быть временныя, умѣренныя и что свобода торговли вообще есть идеалъ развитой, вышедшей изъ пеленокъ промышленности для современнаго представителя картелированнаго производства и финансоваго капитала есть не болѣе какъ, мечтательная утопія и—въ силу великой мощи финансоваго капитала — она и вообще становится премiей для современнаго общества.

Къ этому не лишнее будетъ прибавить, что абсолютная приверженность финансоваго капитала къ протекціонизму можетъ опереться какъ на интересы крупнаго землевладѣнія, такъ и на собственные интересы государственнаго казначейства. Крупное землевладѣніе промышленныхъ странъ неизбѣжно становится протекціонистскимъ съ того момента, какъ въ промышленности собственной страны оно находитъ для себя обширный рынокъ, а земледѣліе отсталыхъ районовъ благодаря развитію въ нихъ средствъ транспорта начинаетъ ему угрожать паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ. Финансовый капиталъ на европейскомъ континентѣ засталъ уже полный разцвѣтъ аграрнаго протекціонизма, а тотъ фактъ, что самъ финансовый капиталъ въ колоссальной степени содѣйствуетъ пробужденію хлѣбнаго вывоза изъ отсталыхъ странъ и заморскихъ ко-

лоній (постройкой въ нихъ желѣзныхъ дорогъ, государственными займами и т. д,),—это способно только усилить протекціонистскія стремленія крупнаго землевладѣнія. Совпаденіе интересовъ финансоваго капитала и крупнаго землевладѣнія въ вопросахъ протекціонизма—полное, и оно не можетъ быть нарушено тѣмъ, что аграрный протекціонизмъ, повышая цѣны на хлѣбъ, повышаетъ цѣну рабочей силы. На промышленности съ высокимъ органическимъ составомъ капитала и сильно-организованной это не можетъ сказываться слишкомъ сильно и, во всякомъ случаѣ, проистекающее отсюда сравнительно-незначительное вздорожаніе издержекъ производства съ избыткомъ покрывается выгодами протекціонизма.

Съ другой стороны и государственное казначейство, съ ростомъ расходовъ (милитаризмъ!) и истощеніемъ платежныхъ силъ населенія, вновь обращается съ особымъ вниманіемъ къ таможеннымъ сборамъ, которые даже въ Англіи послѣ англо-бурской войны вновь начинаютъ разсматриваться съ фискальной точки зрѣнія.

Такъ три крупнѣйшія силы современности — финансовый капиталъ, крупное землевладѣніе и фискъ — мощно направляютъ свои усилія къ разгораживанію хозяйственныхъ территорій высокими стѣнами протекціонизма, который перестаетъ быть „воспитательнымъ“, „временнымъ“ и „умѣреннымъ“, а превращается въ постоянный и растущій „картельный протекціонизмъ“. Чтобы охватить второе во всей его остротѣ и представить его вліяніе на ходъ международныхъ отношеній, достаточно будетъ теперь указать вотъ еще на что.

Мы видѣли, что продавать заграницей, вести конкурентную борьбу на міровомъ рынкѣ для національной индустріи тѣмъ легче, чѣмъ выше охранительныя пошлины, ограждающія ея собственный, національный

рынокъ. Слѣдовательно, каждое повышеніе послѣднихъ непосредственно ведетъ къ облегченію для данной картелированной отрасли ея конкурренціи на міровомъ рынкѣ.

Такъ повышеніе пошлинъ со стороны одного государства неизбѣжно ведетъ къ ихъ повышенію и со стороны остальныхъ, конкуррирующихъ съ нимъ на міровомъ рынкѣ государствъ. Въ эпоху финансоваго капитала протекціонизмъ становится не только постоянной системой, но онъ становится воинствующимъ, наступающимъ, храня въ себѣ тенденцію къ постоянному росту ставокъ и къ повсемѣстному распространенію. Дѣйствительность послѣдней фазы развитія современнаго хозяйства не только не оправдала надеждъ фритрэдеровъ на превращеніе всей области мірового хозяйства въ единый свободный рынокъ (мы видимъ, что Кобденъ ждалъ осуществленія этого чуть ли не къ шестидесятымъ годамъ уже), но, наоборотъ, привела къ тому, что эта область все болѣе энергично разгораживается стѣной протекціонизма на отдѣльныя хозяйственныя территоріи и что стѣну эту стремятся все болѣе поднять и укрѣпить.

Замѣтимъ, что дѣло идетъ именно объ области всего мірового хозяйства, о міровомъ рынкѣ. Именно для финансоваго капитала центръ тяжести не въ томъ, чтобы огородить высокой таможенной стѣной наличную государственную территорію, а въ томъ, чтобы охватить этой стѣной вообще возможно большую область всего мірового рынка, о томъ, чтобы монополизировать для себя рынокъ не только въ предѣлахъ данныхъ исторіей государственныхъ границъ, но и внѣ ихъ. Параллельно съ протекціонизмомъ ростетъ и стремленіе къ включенію новыхъ территорій въ его сферу, въ сферу монополій

національнаго капитала. Финансовый капиталъ хочетъ имѣть огражденный рынокъ и высокія дополнительныя прибыли на немъ,—и поэтому онъ становится протекціонистскимъ; но онъ хочетъ возможно болѣе широкихъ предѣловъ этого огражденнаго рынка и возможно большихъ прибылей на немъ — и поэтому онъ становится имперіалистическимъ.

Ибо, поистинѣ, если любимый афоризмъ англійскихъ фритрэдеровъ XIX в. „Universal Free Trade is universal Peace“ и не оправдался на дѣлѣ, то оправдался ему противоположный, который можно было бы выразить такъ: „Universal Protection is universal War“. Въ этомъ разгадка всѣхъ международныхъ потрясеній и осложненій съ конца XIX в. Раздѣлъ Африки, войны англо-бурская, испано-американская, триполитанская, борьба за Корею и Манчжурію, стремленіе Германіи къ областямъ Тигра и Ефрата, безпрестанныя попытки Австріи проложить себѣ путь къ долинѣ Вардара и Салоникамъ, хотя бы черезъ трупъ Сербіи, — должны быть разсмотрѣны съ этой точки зрѣнія...

VII.

Читатель, быть можетъ, замѣтилъ, что уже, трижды и съ трехъ разныхъ сторонъ предыдущее изложеніе подводило насъ къ факту обострения проблемы экспорта капитала. Мы подошли къ этому вопросу, разсматривая результаты картелированія и констатируя, что оно ведетъ къ суженію возможности примѣнять капиталы на данномъ рынкѣ, усиливая въ то же время размѣры производства и количество выбрасываемыхъ на рынокъ продуктовъ. Мы столкнулись съ этой же необходимостью экспорта капитала, когда убѣдились въ громадности тѣхъ суммъ, которыя приливаютъ къ промыш-

ленности и къ финансовому капиталу въ видѣ дополнительныхъ прибылей и въ видѣ „учредительской“, эмиссіоннаго барыша и концентрируются въ банкахъ. Мы видѣли, наконецъ, что въ эту же сторону форсированія экспорта дѣйствуетъ и торжествующій протекціонизмъ новѣйшаго, картельнаго стиля. Сливаясь вмѣстѣ, все это создаетъ повышенную, въ не бывалыхъ до сихъ поръ размѣрахъ, заинтересованность промышленныхъ странъ въ заграничныхъ рынкахъ и до послѣдней степени обостряетъ борьбу между ними за владычество на міровомъ рынкѣ. Не трудно видѣть также, что при современной организаціи промышленности, при ея концентраціи и централизаціи руководства ею въ рукахъ крупнѣйшихъ финансовыхъ учрежденій (вспомнимъ о „300 лицахъ, управляющихъ промышленной жизнью Германіи или о роли группъ Моргана и Рокфеллера въ Соед. Штатахъ) „внѣшняя политика“ финансового капитала, его поиски рынковъ и завоеваніе ихъ пріобрѣтаютъ совершенно новый, гораздо болѣе планомѣрный и систематическій характеръ. Стихійный характеръ обслуживанія новаго рынка, въ которомъ главная роль принадлежала предпріимчивости отдѣльнаго купца или корабельщика, смѣняется теперь планомѣрной „разработкой“ вопросовъ экспорта, въ которой руководящее значеніе имѣютъ тѣ же группы, которымъ принадлежитъ господство надъ національной промышленностью. Можно смѣло сказать, что крупнѣйшіе банки и связанные съ ними тресты дѣйствительно имѣютъ свою собственную „иностранную политику“, направленную къ систѣматическому изученію отдѣльныхъ, почему-либо облюбованныхъ, областей мірового рынка и къ ихъ завоеванію для національнаго капитала. И не мудрено — при наличной соціальной мощи финансоваго капитала, — что собственно иностранная политика про-

мышленныхъ странъ не многимъ отличается отъ сейчасъ указанной...

Тѣ же 300 лицъ, которые управляли промышленной жизнью Германіи, указывали и объекты усилій германской дипломатіи и, въ концѣ концовъ, и направленіе жерлъ германскаго флота...

Но финансовый капиталъ несетъ съ собой не только крайнюю заинтересованность въ заграничныхъ рынкахъ и не только способность систематическаго руководства въ дѣлѣ ихъ эксплоатаціи, но и переворотъ въ самомъ способѣ ихъ эксплоатаціи: простой товарообмѣнъ отступаетъ на задній планъ, а впередъ выступаетъ задача найти примѣненіе для своего капитала въ производствѣ на новой территоріи. Экспортъ товаровъ смѣняется тѣмъ, что въ собственномъ смыслѣ слѣдуетъ назвать экспортомъ капитала.

Для передовой промышленной страны XX в., Англіи, центръ вопроса заключался, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы расширить рынки сбыта для своихъ товаровъ, въ первую очередь — мануфактуры. Именно этотъ періодъ остроумно характеризованъ въ одномъ изъ памфлетовъ, цитированныхъ проф. Янжуломъ: „англійскій мануфактуристъ всегда направляетъ свои взгляды на отдаленные рынки и едва заслышитъ о какомъ-нибудь голомъ дикарѣ на другомъ концѣ свѣта, какъ ужъ спѣшитъ послать ему кусокъ коленкора и сдѣлать его своимъ покупателемъ". А такъ какъ этотъ „кусокъ коленкора" англійскій мануфактуристъ могъ производить дешевле всякаго другого и могъ не бояться какой-либо иностранной конкурренціи, то — до поры до времени — онъ могъ довольно равнодушно относиться къ своей политической власти надъ колоніальными рынками. И въ самомъ дѣлѣ, виднѣйшіе изъ представителей англійской мануфактуры и свободной торговли, —

между послѣдними и Кобденъ — доходили даже до прямого отказа отъ колоній. Если это — благодаря оппозиціи аристократіи и ссуднаго капитала, заинтересованныхъ не только въ торговыхъ прибыляхъ, доставляемыхъ колоніальными рынками, но и въ борьбѣ за управленіе ими и въ заключенныхъ займахъ [1]), — и не осуществилось, то памятникомъ этого воззрѣнія на колоніи осталось во всякомъ случаѣ предоставленіе имъ широкой свободы въ торговой политикѣ. На опасность этого никогда не уставали указывать англійскіе протекціонисты, и даже проф. Янжулъ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ приверженности къ англійскимъ протекціонистамъ, уже въ 80-хъ г.г., разсматривая тогдашнее положеніе англійской торговли, пришелъ къ выводу, что „британскія колоніи неблагоразумно и весьма быстро были поставлены на одну ногу въ торговой политикѣ съ чужестранцами [2]).

Во всякомъ случаѣ это равнодушное отношеніе англійскаго капитала къ политическому закрѣпленію своей власти надъ колоніями, вытекавшее въ свою очередь изъ взгляда на нихъ, какъ на рынки сбыта, естественно обезпеченные за передовой промышленностью метрополіи, дала большинству колоній широкую автономію, приведшую въ концѣ концовъ къ установленію протекціонныхъ пошлинъ съ ихъ собственной стороны [3]).

---

[1]) Это больше всего касается Индіи и обусловило ея особое положеніе среди британскихъ колоній.

[2]) Янжулъ, l. c., стр. 469.

[3]) Любопытно отмѣтить, что дарованіе правъ самоуправленія колоніямъ относится, главнымъ образомъ, къ 40 — 50-мъ г.г., т.-е. какъ разъ къ эпохѣ полнаго господства идей свободной торговли. Протекціонистскими пошлинами обзавелась въ концѣ концовъ (въ началѣ XX в.) даже Индія.

Все это, однако, мѣняется, когда колоніальные рынки начинаютъ играть роль не только какъ мѣста простого сбыта товаровъ и обмѣна мануфактуры на колоніальные продукты, но и какъ области непосредственно производительнаго приложенія капитала. А относительно конца XIX и начала XX в.в. — вмѣстѣ съ ростомъ финансоваго капитала — эта послѣдняя роль получаетъ все болѣе преобладающее значеніе. Вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и характеръ эксплоатаціи новыхъ территорій, а затѣмъ и характеръ отношенія къ нимъ со стороны представителей капитала и государства.

Пока данная территорія служитъ главнымъ образомъ областью сбыта и товарообмѣна, до тѣхъ поръ ея положительная способность сравнительно узка, а соціальныя отношенія мало затрагиваются и мало интересуютъ экспортирующую товары страну. Но когда экспортъ товаровъ смѣняется экспортомъ капитала — все равно въ формѣ ли ссуднаго капитала (займовъ) или производительнаго капитала — отношеніе мѣняется.

Когда германскій капиталъ обращается къ Турціи или Западной Африкѣ, англійскій — къ области Оранжевой рѣки и Трансвааля или итальянскій къ Триполитаніи, онъ интересуется отнюдь не потребительной способностью кафровъ, герреро, арабовъ и турецкихъ крестьянъ Месопотаміи. И обороты, и величина, и увеличеніе вложенныхъ въ эти области капиталовъ не находятся ни въ какой степени зависимости отъ того, сколько продуктовъ, произведенныхъ въ Германіи или Англіи, будетъ продано въ кафрскихъ и месопотамскихъ деревняхъ. Это не пункты продажи и обмѣна, а пункты приложенія капитала, пункты его производительного творенія. И теперь уже не „коленкоръ“, а рельсы и машины выступаютъ на первый планъ.

Прежде всего, здѣсь находитъ себѣ выходъ тяжелая

индустрія промышленныхъ странъ. Громадные капиталы въ первую очередь находятъ себѣ помѣщеніе въ оборудованіи желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ сообщеній. Какое это имѣетъ значеніе, мы оцѣнимъ вполнѣ, когда вспомнимъ, что въ одномъ только 1909 г. было выплавлено 4.039.240.904 пуда чугуна, т.-е. что ежечасно и безостановочно въ теченіи года доменныя печи Европы и Америки выбрасывали по 500.000 пудовъ, и что за одинъ лишь годъ (съ 1908 по 1909) это количество возросло на 26%.

Этого производства нельзя ни сократить, ни пріостановить, ибо это означало бы обезцѣненіе громадныхъ капиталовъ. Значитъ, имѣется только одинъ исходъ — это искать и находить для всей этой массы новыя и новыя приложенія.

Вспомнимъ также, что въ заграничныя желѣзныя дороги одной только Англіей вложено 1.700 милліоновъ ф. стерлинговъ (болѣе 16 милліардовъ руб., и что это обезпечиваетъ ей ежегодный доходъ приблизительно въ 800—900 милліоновъ р., и мы поймемъ, что оборудованіе багдадской или африканской сѣти желѣзныхъ дорогъ не находится ни въ какой связи съ наличной потребностью въ нихъ мекскихъ паломниковъ или кафрскихъ пастуховъ и звѣролововъ, но что оно находится въ ближайшей связи съ потребностями финансоваго капитала и руководимой имъ промышленности въ экспортѣ. Однако, оборудованіе желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ сообщеній въ отсталыхъ, заморскихъ странахъ капиталомъ, экспортируемымъ передовыми промышленными странами, есть только предварительная ступень капиталистическаго использованія новыхъ территорій, только орудіе консолидированія отдѣльныхъ областей мірового рынка подъ гегемоніей той или другой промышленной

страны. Цѣлью же служитъ именно эта консолидація. Вотъ почему, между прочимъ, экономическая и политическая позиція Германіи съ конца XIX в. и до настоящей минуты цѣликомъ воплощается въ словахъ: „Гамбургъ—Багдадъ“. Экономическое и въ тѣхъ или иныхъ формахъ — политическое объединеніе областей, прилегающихъ въ Европѣ и въ Азіи къ этой міровой нѣмецкой артеріи, соединяющей Сѣверное море и преддверіе Индіи,—такова задача, выдвинутая германскимъ имперіалистическимъ капиталомъ. Эта задача объемлетъ равнымъ образомъ и проблему „среднеевропейскаго таможеннаго союза“ и балканскую проблему и вопросъ о турецкомъ наслѣдствѣ. Читатель видитъ, что это какъ тѣ три центральныхъ пункта, на которыхъ въ послѣднія десятилѣтія было сосредоточено вниманіе всей Европы, и что всѣ эти три вопроса связаны воедино въ глазахъ германскаго имперіализма. Это единая цѣпь, изъ которой нельзя выкинуть ни одного звена. Борьба Германіи и Англіи, опирающихся на рядъ задѣтыхъ этими отдѣльными звеньями странъ, и составляетъ основный стержень событій послѣднихъ лѣтъ. Но это между прочимъ [1]).

---

[1]) Сферу вліянія, о которой мечтаетъ германскій капиталъ легко обозрѣть на картѣ, если провести прямую линію соединяющую Данцигъ съ западной оконечностью Персидскаго залива (съ Ковейтомъ), и другую параллельную ей отъ Ротердама къ Адріатикѣ. Среди этихъ двухъ линій и пролегаетъ желѣзнодорожный путь Гамбургъ—Багдадъ, служа центромъ притяженія. Сѣверная часть этой полосы есть сфера проблемы „среднеевропейскаго таможеннаго союза“, средняя часть — сфера „Балканской проблемы“, а южная — сфера „турецкаго наслѣдства“. Взглянувъ на карту, читатель увидитъ также, что на югѣ эта полоса перерѣзываетъ пути Англіи въ Индію и Египетъ, а на сѣверѣ идетъ въ разрѣзъ съ ея же стремленіемъ видѣть берега Ламанша въ рукахъ слабыхъ и нейтральныхъ сосѣдей.

Съ точки зрѣнія нашей темы намъ важно указать, что поиски новыхъ территорій диктуются имперіалистическому капиталу не простыми интересами товарообмѣна и его интересы не исчерпываются устройствомъ пунктовъ обмѣна, а требуютъ именно полнаго экономическаго подчиненія новыхъ областей.

Мы уже указали, что финансовый капиталъ ищетъ здѣсь прежде всего производительнаго приложенія. И онъ открываетъ для себя новыя сферы этого производительнаго приложенія въ разработкѣ золотыхъ розсыпей, желѣзныхъ, мѣдныхъ, свинцовыхъ рудъ въ Африкѣ и Анатоліи, въ хлопковыхъ плантаціяхъ и хлѣбныхъ поляхъ ирригированной Месопотаміи и т. д. Открываетъ мирно, гдѣ это можно и покуда можно и насильственно, когда это нужно. И новыя области становятся для него тѣмъ дороже, что онъ начинаетъ видѣть здѣсь средство избавить національную промышленность отъ зависимости въ иностранномъ сырьѣ.

Ясно, что подобное использованіе новыхъ, открывающихся для капитала странъ и областей не находится ни въ какой связи съ ихъ дѣйствительной потребительной способностью, съ богатствомъ ихъ населенія, какъ то было при господствѣ простого обмѣна колоніальныхъ товаровъ. Фактически, при экспортѣ капитала, а не товаровъ, границы для его расширенія не существуетъ [1]). Онъ можетъ идти все дальше и

---

[1]) Онъ можетъ натолкнуться только на недостатокъ рабочихъ рукъ на мѣстахъ. Онъ преодолѣваетъ этотъ недостатокъ или прямымъ принужденіемъ туземцевъ къ труду путемъ ихъ насильственной пролетаризаціи и—принимающей форму рабства—кабалы или путемъ ввоза рабочихъ. Примѣромъ перваго могутъ служить Конго, горнорабочіе въ колоніяхъ Африки и т. д. Багдадская же, напр., дорога строится ввозными, итальянскими рабочими.

дальше, открывая для себя все новыя и новыя области и не дожидаясь, покуда онѣ естественнымъ путемъ созрѣютъ для созданія собственнаго капитала и собственной промышленности, а сразу насаждая въ нихъ капитализмъ въ его высшей формѣ и тѣмъ превращая ихъ въ своихъ подневольныхъ данниковъ. Этимъ обезпечивается невиданно-быстрое, поразительное по своимъ размѣрамъ оборудованіе капиталомъ самыхъ отдаленныхъ и заброшенныхъ уголковъ земного шара. Финансовый капиталъ, выступая какъ экспортный капиталъ, пробуждаетъ—хотя-бы въ хищнической формѣ—всѣ до сихъ поръ лежавшія втунѣ производительныя силы. Эту роль выполняетъ не только капиталъ, вложенный въ созданіе транспорта, промышленности и т. д., но и ссудный капиталъ, капиталъ выдаваемый въ видѣ займовъ капиталистически—отсталымъ странамъ. Онъ тоже можетъ не считаться съ данной потребительной способностью новаго рынка, но—и это, пожалуй, важнѣе—въ эпоху близкой связи банковъ съ промышленностью экспортъ ссуднаго капитала самъ становится средствомъ оберегать заказы за промышленностью данной страны. Устройство займа теперь же съ самаго начала связывается съ условіемъ представленія важныхъ преимуществъ промышленности, связанной съ данной группой банковъ, съ концессіями и т. д. Тутъ господствуетъ самая острая конкуренція, ибо теперь изъ-за займа явно выглядываетъ установленіе дальнѣйшей экономической зависимости, и, такъ какъ уровень процента не даетъ возможности широкой борьбы на чисто-экономической почвѣ, то въ этой конкуренціи на вѣсы кладется уже и политическая мощь государствъ. Исторія желѣзнодорожныхъ, промышленныхъ и т. п. концессій и крупныхъ заказовъ, предоставленныхъ отсталыми странами той или

другой изъ крупныхъ капиталистическихъ державъ, есть подлинная, хотя бы и грубая, ткань тончайшихъ дипломатическихъ узоровъ.

Размѣры, которые принялъ этотъ экспортъ капитала, характеризуются уже тѣмъ весьма важнымъ явленіемъ, что за послѣдніе годы на міровомъ рынкѣ цѣнныхъ бумагъ бумаги внѣевропейскихъ, капиталистически-осталыхъ странъ Востока и Южной Америки преобладаютъ надъ бумагами странъ европейскихъ. Этотъ отливъ капиталовъ въ новыя области сразу даетъ намъ понять и то, съ какой жадностью стремится европейскій капиталъ на новые рынки, и то, какія завоеванія онъ тамъ уже сдѣлалъ. Но наличность громадной массы капитала, ищущаго и находящаго себѣ—въ качествѣ ли ссудъ или въ качествѣ производительнаго капитала—примѣненіе въ новыхъ областяхъ обозначаетъ и сильнѣйшее обостреніе борьбы и конкуренціи изъ-за этихъ сферъ приложенія. И эта конкуренція уже не можетъ быть конкуренціей чисто-экономической, она неизбѣжно принимаетъ форму борьбы за владѣнія, за политическое господство надъ данной территоріей.

Дѣйствительно. Проникая въ новыя области, капиталъ несетъ съ собой для нихъ и полное измѣненіе соціальныхъ отношеній. Измѣняется вѣковой укладъ жизни и хозяйства, населеніе пролетаризируется, старые промыслы уничтожаются, завѣты дѣдовъ и преданія эпохи обособленнаго существованія попираются новыми пришельцами, внизу идетъ разореніе, сверху—со стороны элементовъ, вступившихъ въ контактъ съ новой силой капитала—идетъ усиленное нажиманіе податного пресса... Это потрясеніе охватываетъ страну сверху до низу. Съ другой стороны эта крутая ломка вѣками сложившагося быта, обостренная всѣмъ тѣмъ,

что характеризуетъ колоніальную политику, вызываетъ отпоръ населенія: первоначально въ видѣ стихійнаго сопротивленія въ защиту родной страны, своихъ пастбищъ и запашекъ и своихъ боговъ,—въ формѣ боксерскаго движенія, геррерскихъ войнъ или религіозно-фанатическихъ войнъ дервишей,—а затѣмъ и въ видѣ болѣе планомѣрнаго движенія въ сторону созданія національнаго государства,—въ видѣ тѣхъ движеній, которыя въ первомъ десятилѣтіи нашего вѣка охватили всю Азію, отъ Персіи и Турціи до Китая. Уже первая, стихійная форма движенія, неизбѣжно сопровождающая первые шаги европейскаго капитала на чужой почвѣ и столь же неизбѣжно безплодная и обреченная гибели, вызываетъ переплетеніе интересовъ экспортнаго капитала и государства, втягиваетъ послѣднее въ предпріятія перваго. Что же касается послѣдней формы, то это движеніе, благодаря тому, что само оно возникаетъ уже на новой, болѣе современной базѣ и въ эпоху острой конкуренціи между державами изъ-за новыхъ рынковъ, благодаря тому, наконецъ, что оно уже способно выбирать между своими „покровителями“,—это движеніе уже вызываетъ на свѣтъ и приводитъ весь аппаратъ государственной власти заинтересованныхъ державъ и непосредственно вліяетъ на весь ходъ международныхъ отношеній. Съ другой стороны и тѣ области, которыя стали пунктами приложенія капитала, гдѣ созданы желѣзныя дороги, разрабатываются рудники, возведены заводы, проведены каналы, созданы доки и т. д., эти области совсѣмъ иначе интересуютъ владѣльцевъ вложеннаго здѣсь капитала, чѣмъ пункты простого товарообмѣна. Это—вложенія длительныя, разсчитанныя на непрерывное функціонированіе, требующія, поэтому, особой охраны и отъ иностранной конкуренціи и отъ воз-

можности мѣстныхъ волненій, переворотовъ, измѣненія симпатій мѣстной туземной, власти въ сторону какой-либо другой державы. Экспортный капиталъ требуетъ введенія опредѣленныхъ юридическихъ нормъ, современнаго суда, обезпеченія своихъ сношеній съ метрополіей и съ европейскимъ рынкомъ вообще, прекращенія мѣстной обособленности, племенныхъ и религіозныхъ распрей и т. д., и т. п. Въ извѣстной мѣрѣ все это требуется уже и тогда, когда капиталъ вложенъ въ займы, но всѣ эти требованія становятся совершенно неизбѣжными, когда требуется обезпечить не только полученіе процентовъ по займамъ, но и предпринимательской прибыли на созданное въ чужой, новой области производство. А такъ-какъ предпринимательская прибыль выше процента, то, естественно, европейскій капиталъ приливаетъ въ новыя сферы все больше именно въ видѣ предпринимательскаго капитала и все настойчивѣе предъявляетъ притязанія на руководство всей жизнью данной области. И вмѣстѣ съ тѣмъ, оно неизбѣжно стремится обезпечить данную территорію именно за собой, монополизировать ее для себя, исключивъ иностранную конкурренцію, сдѣлать изъ нея простое дополненіе къ своей національной государственной территоріи.

Тутъ уже нѣтъ мѣста тому равнодушію къ политической власти надъ новой областью, которое могъ проявлять мануфактуристъ, обезпеченный простымъ фактомъ дешевизны своего товара и превосходствомъ своего торговаго флота, о которомъ мы говорили выше. Экспортный капиталъ въ эпоху острѣйшей конкуренціи изъ-за сферъ приложенія, въ эпоху господства протекціонизма видитъ для себя обезпеченіе лишь въ политической силѣ своей метрополіи. Онъ хочетъ чувствовать себя въ новой области такъ

же, какъ дома, т.-е. полновластнымъ хозяиномъ, огражденнымъ отъ всякаго, политическаго и экономическаго, иностраннаго вмѣшательства. Такъ экспортный капиталъ становится имперіалистическимъ. Выраженія „колоніи“, „колоніальная политика“ становятся уже не точными; гораздо лучше выражаются новыя тенденціи тѣми выраженіями, которыя создаются въ политической и экономической литературѣ на самомъ рубежѣ XX в.: „міровая держава“, „міровыя, колоніальныя имперіи“... Полное подчиненіе себѣ, монополизація въ свою пользу отдѣльныхъ частей всего мірового рынка и хозяйства, сплоченіе возможно болѣе обширныхъ и разнообразныхъ [1]) областей послѣдняго подъ единой властью—вотъ что становится идеаломъ финансоваго капитала и вдохновляемой имъ имперіалистической политики. Это воплощается прямымъ политическимъ подчиненіемъ, присоединеніемъ новыхъ территорій всюду, гдѣ это возможно. А гдѣ это почему-либо—прежде всего изъ-за опасенія прямого столкновенія съ конкурирующей силой, столкновенія, которое, вѣдь, могло бы не окупиться выгодами присоединенія,—гдѣ это не возможно, тамъ финансовый капиталъ неизбѣжно стремится дополнить свою экономическую роль установленіемъ хотя бы косвенной,

[1]) Этимъ словомъ мы только указываемъ, не имѣя возможности остановиться подробнѣе, на чрезвычайную важность именно „разнообразія“ хозяйственныхъ областей для мечтающаго объ ихъ сплоченіи финансоваго капитала. Это разнообразіе природныхъ условій должно дать ему независимость отъ иностранцевъ въ полученіи сырья и въ сбытѣ готовыхъ продуктовъ. Такъ, Германія ищетъ прежде всего областей производства неимѣющагося у нея хлопка и территорій мѣдныхъ рудниковъ. Это, впрочемъ, только примѣръ. Идеалъ же искомой степени разнообразія въ созданіи совершенно самодовлѣющаго хозяйственнаго организма.

но во всякомъ случаѣ политической зависимости.

И тутъ громадное значеніе имѣетъ то, вложенъ ли иностранный капиталъ въ займы или въ производство, въ оборудованіе производительныхъ силъ данной страны. Вообще говоря, ссудный капиталъ, какъ и капиталъ торговый, гораздо меньше заинтересованъ въ ходѣ хозяйственной и политической жизни странъ, чѣмъ капиталъ производительный. Только послѣдній служитъ истинной базой стремленій къ полному подчиненію страны, къ рѣшительнѣйшему вмѣшательству въ ея положеніе относительно родины иностраннаго капитала. Ссудный же капиталъ,—до тѣхъ поръ покуда странѣ не грозитъ прямое банкротство,—довольно равнодушенъ къ ея внутренней жизни, а иногда не прочь сыграть на тѣхъ пертурбаціяхъ, которыя могли бы принудить ее къ новымъ займамъ. Хозяинъ же желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, доковъ, производитель ирригаціонныхъ работъ и т. д. становится въ гораздо болѣе близкія отношенія ко всей эволюціи страны. И если Турція разорвала свою вѣковую связь съ Англіей и вошла въ орбиту германской политики, то предпосылкой этого служитъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что германскій капиталъ направилъ свои усилія на захватъ разработки ея производительныхъ силъ, въ то время, какъ капиталъ англійскій оставался для Турціи, главнымъ образомъ, капиталомъ ссуднымъ.

Это, между прочимъ, показываетъ намъ, что описанные выше процессы разыгрываются отнюдь не только въ заморскихъ областяхъ, не только въ колоніальныхъ областяхъ въ узкомъ смыслѣ слова, но и всюду, гдѣ соприкасаются, высоко-развитой капиталъ промышленной страны съ отсталыми въ капиталистическомъ отношеніи областями. Не географическое положеніе послѣдней, а именно степень внѣдренія въ

нее финансоваго капитала, степень ея капиталистической дѣятельности играетъ здѣсь главенствующую роль. Прослѣдить какъ это послѣднее обстоятельство равнымъ образомъ сказалось на судьбѣ и Балканского полуострова и Турціи и Персіи и Китая или Сѣверной и Южной Африки и Южной Америки и какъ—затѣмъ—полученные въ этихъ областяхъ импульсы отзывались о внутреннихъ отношеніяхъ европейскихъ державъ (и Соед. Штатовъ) между собой не входитъ, однако, въ задачу этого теоретическаго этюда. Мы должны только показать, что указанныя тенденціи финансоваго капитала имѣютъ всеобщее значеніе и неизбѣжно покоряютъ себѣ всякую промышленную страну, даже тогда когда она можетъ противопоставить протекціонистскимъ и „міро-державнымъ“ тенденціямъ экспортнаго капитала чуть-ли не вѣковую тенденцію свободной торговли. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы увидимъ, въ какой мѣрѣ всеобщность тенденцій экспортнаго капитала ведетъ къ всеобщему и всестороннему обостренію всѣхъ противорѣчій.

Англія—въ силу своей вѣковой политики свободной торговли—должна была явиться образчикомъ страны, гдѣ финансовый капиталъ наткнулся на наибольшее сопротивленіе со стороны традиціонныхъ взглядовъ и политическихъ навыковъ. Однако, операція Чемберлэна, идея таможенной реформы и тѣснѣйшаго объединенія метрополіи съ колоніями въ единую по отношенію къ внѣшнему міру и иностранной конкурренціи хозяйственную область, отнюдь не была новинкой для Англіи. Новымъ было только то, что эти давнымъ-давно высказанныя идеи, въ свое время отброшенныя въ сторону общественнымъ сознаніемъ, нашли теперь для себя новую и широкую опору, которой имъ ранѣе не доставало. Эту опору онѣ нашли въ инте-

ресахъ промышленно-финансоваго капитала и въ фактѣ угрозы англійской промышленности со стороны новыхъ промышленныхъ странъ.

Самымъ сильнымъ аргументомъ англійскихъ протекціонистовъ съ самаго начала ихъ борьбы съ фритрэдерами было всегда указаніе на необоснованность надеждъ на то, что всѣ другія государства по примѣру Англіи откажутся отъ протекціонизма, и, въ связи съ этимъ, настойчивыя указанія на необходимость охранить для себя колоніальный рынокъ, ограничивъ свободу колоній въ дѣлѣ ихъ торговой политики. Уже въ 1846 г. одинъ изъ наиболѣе выдающихся протекціонистовъ по поводу уравненія колоній и иностранныхъ государствъ въ торговомъ отношеніи писалъ: „какая же связь останется между нами? Связь крови: но она, вѣдь, очень слаба... Что помѣшаетъ колоніямъ завязать другія связи, другую дружбу въ великой семьѣ націй“?.. Авторъ приходитъ къ заключенію, излагаетъ проф. Янжулъ цитируемый имъ памфлетъ, что если разъ свободная торговля вступитъ въ силу въ Великобританіи и система дифференціальныхъ тарифовъ будетъ отмѣнена, то колоніи логически придутъ къ необходимости прекратить всякое предпочтеніе и преимущество британскимъ товарамъ и открыть свою собственную торговую политику... постараются оградить себя отъ развитія собственной промышленности покровительственнымъ тарифомъ... Укрѣпляйте, заключаетъ онъ, а не ослабляйте узъ привязанности и взаимнаго интереса, который связываетъ насъ съ колоніями, и вы создадите могущество и величіе нашего народа“... Цитируя эту діатрибу противъ примѣненія принциповъ свободной торговли къ колоніямъ, Янжулъ уже въ 1881 г. могъ сказать, что „предсказанія автора

частью уже сбылись“ [1]). И уже тогда извѣстный англійскій экономистъ Торренсъ, самъ сторонникъ свободной торговли, произвелъ форменный расколъ въ лагерѣ защитниковъ послѣдней своими произведеніями, гдѣ онъ защищалъ главнымъ образомъ два положенія. „Совершенная свободная торговля—писалъ онъ—есть отсутствіе всякаго стѣсненія, но—подчеркивалъ Торренсъ—съ обѣихъ сторонъ. Принятіе несовершенной свободной торговли, или устраненіе стѣсненій на одной сторонѣ (т.-е. со стороны Англіи. Л. Р.) и удержаніе ихъ на другихъ (т.-е. со стороны остальныхъ государствъ), было бы не болѣе, какъ устройство монополіи въ пользу нашихъ иностранныхъ соперниковъ“. Таково первое положеніе. Второе не менѣе многозначительно; оно выражено Торренсомъ въ такомъ практическомъ тезисѣ. „Устройство совершенной свободной торговли между Соед. Королевствомъ и колоніями; устройство британской торговой лиги, могущей поставить во всемъ обширномъ государствѣ торговлю на степень чисто внутренняго обмѣна продуктами, какъ бы это было между Великобританіей и Ирландіей“ [2]).

Когда Чермерблэнъ началъ свою агитацію за „Greater Britain“ онъ рѣшительно ничего не прибавилъ къ указаннымъ теоретическимъ положеніямъ. Измѣнилось только одно: идеи, рѣшительно отвергнутые въ серединѣ XIX в., въ началѣ XX-го нашли себѣ широкое распространеніе въ средѣ руководителей и кліентовъ финансоваго капитала.

Мы, поэтому, не будемъ приводить дальнѣйшихъ свидѣтельствъ того, какъ по мѣрѣ роста протекціо-

---

[1]) Янжулъ, l. c., стр. 264.
[2]) Ibid, стр. 367—8.

низма и усиленія конкурренціи другихъ странъ, въ Англіи росло и ширилось теченіе въ пользу собственнаго протекціонизма и таможеннаго объединенія со своими колоніями. Укажемъ только, что объективный изслѣдователь вопроса, Янжулъ долженъ былъ признать уже въ 80 гг., что „Англія переживаетъ въ настоящее время серіозный моментъ своей промышленной и торговой исторіи и большая перемѣна замѣчается въ общественномъ мнѣніи". Онъ уже тогда находилъ, что „завѣтной мечтой англійскихъ торговцевъ и промышленниковъ является образованіе „Имперскаго таможеннаго союза Великобританіи съ колоніями (Imperial Custom Union)" и что „этотъ планъ—весьма вѣроятно—раньше или позже будетъ испробованъ". Во всякомъ случаѣ, этотъ изслѣдователь приходилъ къ выводу, что „Англія наученная горькимъ опытомъ, будетъ стараться, по всей вѣроятности, всѣ свои будущіе болѣе значительные рынки связать съ собой узами болѣе крѣпкими, нежели какъ она это сдѣлала относительно настоящихъ своихъ колоній въ Австраліи и Америкѣ... Иначе—заканчивалъ Янжулъ—владѣніе колоніями потеряетъ для нея почти всякое значеніе (Ibid, стр. 471 слѣд.). Этотъ выводъ прозорливаго историка, совершенно чуждаго интересамъ англійскихъ протекціонистовъ, высказанный на основаніи объективнаго анализа англійской промышленности за много лѣтъ до начала широкой агитаціи за таможенную реформу, смѣло можно было бы взять эпиграфомъ въ исторіи новыхъ тенденцій промышленнаго класса Англіи на рубежѣ XIX и XX вв.: она цѣликомъ его оправдала.

Черезъ 20 лѣтъ послѣ Янжула другой русскій наблюдатель могъ выразиться уже не условными періодами. а выставить вполнѣ категорическій тезисъ:

„Когда англійскій экспортъ процвѣталъ, когда Бирмингамъ былъ промышленнымъ сюзереномъ, вассалы котораго находились во всемъ мірѣ,—тогда фабриканты обрабатывающіе не волокнистые вещества, были радикалы и фритрэдеры. Когда же промышленный міръ, центромъ котораго является Бирмингамъ, убѣдился, что его вассалы отпали, начался поворотъ въ его взглядахъ. Изъ фритрэдера онъ сталъ имперіалистомъ и протекціонистомъ, такъ какъ въ имперіализмѣ увидѣлъ захватъ новыхъ рынковъ, а въ протекціонизмѣ—охрану ихъ таможеннымъ кордономъ отъ конкуррентовъ". Вполнѣ естественно и совершенно соотвѣтствуетъ всему вышеизложенному, что эти тенденціи прежде всего сказались въ Бирмингамѣ, въ сферѣ „тяжелой индустріи", всюду наиболѣе расположенной, какъ мы знаемъ, къ картелированію, наиболѣе связанной съ банками и—что въ данномъ случаѣ не менѣе важно—играющей теперь доминимирующую роль въ міровомъ и національномъ хозяйствѣ. Существуетъ громадная статистическая литература, подтверждающая выше сдѣланныя указанія. Мы приведемъ здѣсь только пару цифръ.

Въ 1890 г. Англія занимала первое мѣсто въ мірѣ по выплавкѣ чугуна. Затѣмъ ея положеніе измѣнялось такъ:

Годы.	Выплавлено чугуна (въ 1000 тоннъ) въ Англіи.	Германіи.	С. Штатахъ.
1890	8.031	4.658	9.350
1901	7.762	7.835	15.078
1909	9.919	12.918	26,109
1912	10.003	17.853	30.203

Это значитъ, что съ перваго мѣста за послѣднее 25-лѣтіе Англія перешла на третье, что ростъ ея про

изводства почти прекратился и что, если къ 1890 году въ ея рукахъ была сосредоточена болѣе, чѣмъ 1/3 всего мірового производства чугуна, то къ 1912 г. у ней осталось лишь 1/6 послѣдняго. Не иначе обстоитъ дѣло и въ производствѣ желѣза и стали, гдѣ Англія за 20 лѣтъ не только потеряла первенство, но гдѣ въ 1911 г. Германія производила вдвое больше, а С. Штаты въ 3 1/2 раза больше, чѣмъ Англія. Приблизительно тоже происходитъ въ каменноугольной промышленности... Въ результатѣ, сокращеніе вывоза и — „Бирмингамъ сталъ имперіалистомъ и протекціонистомъ". Если эти тенденціи „тяжелой индустріи" встрѣтили отпоръ со стороны капитала, заинтересованнаго въ мануфактурѣ, то только потому, что этотъ послѣдній еще не настолько стѣсненъ конкурренціей и—главное—опасается вздорожанія сырья (хлопка и т. д.). Но чужеземный протекціонизмъ и увеличеніе конкурренціи и на рынкахъ мануфактуры начинаютъ пробивать бреши и въ этой твердынѣ свободной торговли.

Но тенденціи „тяжелой индустріи" во всякомъ случаѣ, находятъ себѣ могущественную поддержку съ двухъ различныхъ сторонъ,—со стороны колоніальнаго капитала и со стороны денежнаго капитала. Что касается колоній, то ихъ значеніе для англійскаго экспорта громаднымъ образомъ увеличилось съ момента промышленнаго роста континентальныхъ странъ и С. Штатовъ. Къ знаменательнѣйшимъ явленіямъ экономической жизни міра за послѣднюю треть XIX в. относится абсолютное уменьшеніе англійскаго экспорта въ Европу и С. Штаты. За 30 лѣтъ (1872—1902) этотъ вывозъ упалъ съ 149 мил. до 120 мил. ф. ст., т.-е. на 29 мил. ф. ст. Между тѣмъ производство Англіи должно было рости и росло. Англіи надо было, значитъ, не только найти помѣщеніе для всего прироста своихъ

товаровъ, но и для той части ихъ, которая уже не находила себѣ помѣщенія въ Европѣ и С. Штатахъ. И если англійская промышленность могла расти, то только потому, что все абсолютное сокращеніе европейскаго вывоза и весь приростъ экспортируемыхъ товаровъ были покрыты сбытомъ въ колоніи (и лишь въ незначительной части въ небританскіе владѣнія Азіи, Африки и Ю. Америки). За указанные 30 лѣтъ весь англійскій вывозъ увеличился на 27.1 мил. ф. ст., при одновременномъ сокращеніи вывоза въ Европу и С. Штаты на 28.4 мил. ф. ст., и только наличность колоніальныхъ рынковъ получившихъ всю эту достигающую 55,5 м. ф. ст. разницу позволила англійской промышленности удержать свое положеніе. Но это значитъ, что за 30 лѣтъ Англія должна была передвинуть болѣе 15% всего своего экспорта съ рынковъ Европы и С. Штатовъ на рынки своихъ собственныхъ колоній (изъ указанныхъ 15% менѣе 1% пришлось на не британскія части Азіи, Африки, Юж, Америки). Послѣ этого не зачѣмъ говорить о томъ громадномъ рѣшающемъ значеніи, которое пріобрѣтаетъ въ 20 в. для англійской промышленности обезпеченность за него рынковъ ея колоній. Но крупнѣйшія колоніи Англіи вполнѣ оправдали зловѣщія предсказанія цитированнаго выше протекціонизма 40-хъ годовъ: пользуясь полной самостоятельностью въ направленіи своей торговой политики, онѣ сами стали протекціонистскими и могутъ дать англійскимъ товарамъ какое-либо предпочтеніе лишь въ обмѣнѣ на льготы для ихъ собственныхъ товаровъ на англійскомъ рынкѣ. Но это возможно лишь путемъ огражденія послѣдняго дифференціальными тарифами. Такъ, интересы „тяжелой индустріи“ Англіи и экспортирующаго капитала колоній сливаются въ общемъ интересѣ къ созданію и охраненію „единой

хозяйственной территоріи", объемлющей всѣ безпредѣльныя владѣнія Британской Имперіи и выдѣленный въ единый имперскій таможенный союзъ. Мощно поддерживаются эти тенденціи еще однимъ существеннымъ обстоятельствомъ.

Уже въ 80-ыхъ г.г. ввозъ Англіи превосходилъ ея вывозъ почти на 100 милл. ф. ст. и тогда же приводилъ въ великое смущеніе ея экономистовъ. Съ тѣхъ поръ дѣло страшно обострилось. Въ 1900 г. превышеніе ввоза надъ вывозомъ равнялось уже 236 милл., въ 1901 г. — 242 мил., въ 1902 г. — 246 милл. ф. ст. Покрыть этотъ все растущій избытокъ покупокъ надъ продажами можно только однимъ способомъ: прибылями и процентами на капиталъ, вложенный заграницей т.-е. все увеличивающимся ростомъ экспорта капитала. Экспортъ капитала становится необходимымъ неизбѣжнымъ средствомъ покрытія издержекъ ввоза пищевыхъ продуктовъ для промышленной страны. А такъ какъ пассивный торговый балансъ не есть какая-нибудь специфическая особенность Англіи, а является фактомъ, неизбѣжно сопутствующимъ индустріализаціи страны, то одна и та же причина гонитъ на міровой рынокъ экспортный капиталъ и Англіи и Германіи, обостряетъ ихъ конкурренцію за сферы его приложенія и заставляетъ ревностно стремиться къ расширенію этой послѣдней.

Мы намѣренно остановились подробнѣе именно на Англіи, потому что здѣсь и только здѣсь имперіалистическія и протекціонистскія стремленія финансоваго капитала могли встрѣтить отпоръ со стороны вѣковой традиціи свободной торговли и идейныхъ и политическихъ навыковъ, изстари созданныхъ первенствомъ англійской промышленности. Мы могли, однако, убѣдиться, что финансовый капиталъ пролагаетъ себѣ путь

несмотря на все это и находитъ себѣ поддержку въ самомъ измѣнившемся положеніи Англіи среди мірового хозяйства.

Тѣмъ рѣзче проявляются его тенденціи тамъ, гдѣ вся хозяйственная жизнь — какъ въ Германіи и Соед. Штатахъ — съ самого начала построена на другихъ началахъ, гдѣ подъ охраной протекціонизма картелированіе промышленности, установленіе ея связи съ банками, развитіе финансоваго капитала шло лихорадочными скачками, бѣшеннымъ темпомъ. Для подобнымъ образомъ развивающагося капитала всѣ тѣ преимущества, которыя накоплены медленнымъ и постепеннымъ развитіемъ старыхъ промышленныхъ странъ, неизбѣжно представляются посторонними, извнѣ навязанными, вредными помѣхами, требующими радикальнаго устраненія, и его мысль очень быстро обращается къ методамъ внѣ-экономическаго давленія.

Имперіалистическій капиталъ вообще аггресивенъ и не терпитъ конкурренціи,—таковъ его конститутивный признакъ. Но что его черты должны усилиться до послѣдней степени, когда дѣло идетъ съ одной стороны, о томъ, чтобы проложить себѣ путь вопреки исторически-даннымъ преимуществамъ конкуррента, а со стороны послѣдняго — объ охранѣ этихъ преимуществъ и о ихъ дальнѣйшемъ расширеніи. Мы видѣли выше, что та „хозяйственная область“, которую мечтаетъ превратить въ сферу своего вліянія имперіалистскій капиталъ Германіи перерѣзываетъ ту область, которую считаетъ неприкосновенной Англія.

Добавимъ теперь, что осуществленіе разсмотрѣнныхъ выше тенденцій англійскаго капитала обозначало бы дальнѣйшее сплоченіе въ единый хозяйственный аггломератъ, обезпеченный отъ иностранной конкурренціи, $^1/_5$ всей земной поверхности, населенной $^1/_6$

всего земного населенія. Паническій ужасъ передъ одной мыслью о возможности этого характеризуетъ всю экономическую, политическую и идейную позицію германскаго имперіализма... Недаромъ англійская тенденція къ консолидаціи британской имперіи и къ охранѣ тѣхъ міровыхъ путей, которыя для послѣдней являются путями „внутренними", съ точки зрѣнія Германіи оцѣнивались не иначе, какъ „окруженіе Германіи".

Какъ это экономическое „окруженіе" такъ и разрывъ его неизбѣжно предполагаютъ созданіе ряда посредствующихъ звеньевъ въ видѣ экономически, если не политически, зависимыхъ странъ и областей. Изъ-за этого шла длительная — иногда глухая, иногда прорывавшаяся драматическими эпизодами борьба на Балканахъ, въ передней Азіи, въ Сѣверной Африкѣ. Не забудемъ однако, что, какъ мы видѣли, орудіемъ созданія этихъ экономическихъ связей служитъ прежде всего ссудный капиталъ. Но здѣсь именно сказываются всѣ преимущества старыхъ промышленныхъ странъ, обладающихъ значительными накопленными денежными капиталами и отдающими ихъ на гораздо болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ это возможно для молодыхъ сравнительно промышленныхъ государствъ. Въ 1906 г. заграничный капиталъ Англіи исчислялся въ 27 милліардовъ р., а Германіи—при самомъ оптимистическомъ счетѣ—не болѣе 12 милліардовъ. При такихъ условіяхъ въ области конкурренціи ссудныхъ капиталовъ обращеніе слабѣйшей стороны къ внѣ-экономическимъ факторамъ представляется имперіалистическому капиталу — неизбѣжнымъ...

Имперіалистическій капиталъ долженъ былъ дойти до попытки насильственно разрубить имъ же созданныя и обостренныя противорѣчія. А тотъ указанный нами выше фактъ, что онъ захватилъ въ свой круговоротъ

все міровое хозяйство долженъ былъ привести къ тому, что въ этомъ разрубаніи завязаннаго имъ узла долженъ принять участіе весь міръ. А тѣмъ самымъ должны были быть вскрыты и приведены въ движеніе и всѣ національныя, политическія, религіозныя и иныя противорѣчія, которыя тлѣли и накоплялись въ исторически-данныхъ государственныхъ границахъ.

Поэтому-то въ борьбу, вызваванную и созданную имперіалистическимъ капиталомъ, вплелось столько чуждыхъ и постороннихъ, на первый взглядъ, ея основному мотиву элементовъ. Результаты ея скажутся въ областяхъ Центральной Африки, также какъ на островахъ и побережьяхъ Тихаго Океана, въ степяхъ Новаго Свѣта, какъ и въ воскрешаемыхъ нынѣ на столбцахъ газетъ, забытыхъ, казалось, навсегда исторіей древнихъ стоянкахъ ассирійскихъ владыкъ. Но свое завершеніе эпоха борьбы имперіалистическаго капитала за міровое владычество получитъ только въ рѣшительномъ перераспредѣленіи общественныхъ силъ въ промышленныхъ странахъ самой Европы. Этотъ эпилогъ неизбѣженъ.

* * *

Поскольку дѣло идетъ объ экономической системѣ имперіализма, объ его предпосылкахъ и тенденціяхъ въ области экономическихъ отношеній, наша задача окончена. Мы прослѣдили ихъ, начиная съ акціонерной формы, которая создаетъ возможность сплоченія громадныхъ капиталовъ и дѣлаетъ ихъ подвижными, и вплоть до того момента, когда этотъ капиталъ, неизбѣжно обратившись къ экспорту, разливается по всему земному шару, ломаетъ всѣ установившіяся формы экономической жизни и создаетъ грандіознѣйшія въ исторіи міра конфликты.

На службу своимъ цѣлямъ финансовый капиталъ

можетъ поставить и соотвѣтствующія громадныя силы, сплачивая вокругъ своихъ задачъ сильныя общественныя группы. Мы говоримъ не только о феодальныхъ остаткахъ, въ которыхъ аггрессивность финансоваго капитала находитъ себѣ естественную опору, но и о тѣхъ группахъ аграріевъ, торговцевъ, мелкихъ предпринимателей и разнообразныхъ служащихъ, которыя тысячами нитей связаны съ картелированной промышленностью, съ банками, съ могущественными синдикатами и трестами, а часто находятся въ прямой зависимости отъ послѣднихъ. Въ этихъ группахъ финансовый капиталъ находитъ себѣ могущественныхъ союзниковъ, обширную кліентеллу, исполнителей своихъ замысловъ и, наконецъ, своихъ идеологовъ. Ибо финансовый капиталъ не только сплачиваетъ вокругъ себя могущественныя соціальныя группы, но и умѣетъ покрыть свои тенденціи громко-звучащей, хотя бы и по существу нищенски-убогой, идеологіей. Обоготвореніе силы, обожествленіе государственной мощи и культъ державной расы—таково то знамя, которое финансовый капиталъ выдвигаетъ на смѣну истрепанныхъ и наивныхъ, на его взглядъ, лозунговъ, выработанныхъ въ героическій періодъ либеральнаго капитала, въ XVIII и XIX вв. Мы позволимъ себѣ закончить нашу статью цитатой, въ которой за нѣсколько лѣтъ до послѣднихъ событій, Гильфердингъ блестяще намѣтилъ эту новую идеологію, образчики которой нынѣ у всѣхъ передъ глазами.

„Финансовый капиталъ хочетъ не свободы, а господства. Ему нужно государство, которое повсюду въ мірѣ можетъ вмѣшиваться съ той цѣлью, чтобы весь міръ превратить въ сферу приложенія своего капитала... Политика силы безъ всякихъ ограниченій становится требованіемъ финансоваго капитализма... Онъ перестаетъ быть миролюбивымъ и гуманнымъ...

Идеалъ мира поблекъ, на мѣсто идеи гуманности выступаетъ идеалъ величія и силы государства...

Идеалъ теперь — обезпечить собственной націи господство надъ міромъ. Обосновываемое экономическими причинами, это стремленіе идеологически оправдывается при помощи того изумительнаго сгиба національной идеи, который уже не признаетъ права каждой націи на политическое самоопредѣленіе и независимость, а экономическое преобладаніе метрополіи отражаетъ въ томъ преобладаніи, которое предоставляется собственной націи. Послѣдняя является избранною среди всѣхъ остальныхъ. Такъ какъ подчиненіе чуждыхъ націй осуществляется силой, слѣдовательно, очень естественнымъ путемъ, то представляется, что державная нація обязана господствомъ своимъ особеннымъ естественнымъ свойствамъ, т.-е. своимъ расовымъ особенностямъ. Въ расовой идеологіи стремленіе финансоваго капитала къ власти пріобрѣтаетъ оболочку естественно-научной обоснованности, его дѣйствія получаютъ благодаря этому видъ естественно-научной обусловленности и необходимости. Впередъ выступаетъ олигархическій идеалъ господства". Эта характеристика нынѣ уже не нуждается въ поясненіяхъ и иллюстраціяхъ: они у всѣхъ передъ глазами. Вмѣстѣ съ тѣмъ кругъ развитія финансоваго капитала замкнутъ: сосредоточивъ въ своихъ рукахъ экономическое могущество, подчиняя себѣ политическія отношенія, онъ создалъ идеологію, въ которой онъ самъ выступаетъ какъ воплощеніе всѣхъ національныхъ стремленій — и подчиняетъ послѣднія своимъ задачамъ.

Отнынѣ всякая случайность можетъ стать тѣмъ камнемъ, срывъ котораго неизбѣжно влечетъ за собой обвалъ всей лавины.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ".

Петроградъ, Поварской пер., д. 2. кв. 9 и 10. Тел. 227-42.

Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго религіозно-общественнаго движенія въ Россіи.

Подъ редакціей *Владимира Бончъ-Бруевича.*

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ. — **Баптисты.—Бѣгуны.—Духоборцы.—Л. Толстой о скопчествѣ.—Павловцы.—Поморцы.—Старообрядцы.—Скопцы.—Штундисты.**

Цѣна 2 руб. Въ хорошемъ переплетѣ—**2 руб. 75 коп.**

ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ.—**„Животная книга духоборцевъ".**

Записалъ и собралъ *Вл. Бончъ-Бруевичъ.*

Въ „Животную книгу" входитъ болѣе четырехсотъ различныхъ произведеній устной литературы духоборцевъ. Вступительная статья В. Д. Бончъ-Бруевича: „Изложеніе міровоззрѣнія духоборцевъ".

Цѣна 2 руб. Въ хорошемъ переплетѣ—**2 руб. 75 коп.**

ТРЕТІЙ ВЫПУСКЪ. — **Штундисты. — Духовные скопцы. — Постники.—Свободные христіане.**

СОДЕРЖАНІЕ: Погребальное распоряженіе Тимофея Артемовича Зайца (южно-русскаго штундиста).—Его портретъ.—Факсимиле.—Сказаніе о самомъ себѣ и о закавказскихъ ссыльныхъ за вѣру, Т. А. Зайца.—Письма Т. А. Зайца къ разнымъ лицамъ.—Памяти Тимофея Артемовича Зайца, Вл. Бончъ-Бруевича.—Дѣдушка Тимофей Зайцевъ, стихотвореніе Е. Титарчука.—Упованіе духовныхъ скопцовъ, С. Фарфоровскаго.—Жизнь Алексѣя (въ поискахъ лучшей жизни), А. М. Мироненко.—Старая вѣра, М. П. Новикова.—Разсказъ Марфы Гордѣевны Чегодаевой, урожденной Самротиной. Записалъ К. М. Дробининъ.—Искатель истины, К. М. Дробинина.—Поѣздка въ Стародубье, И. С. Абрамова.

Цѣна 2 руб. Въ хорошемъ переплетѣ—**2 руб. 75 коп.**

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫПУСКЪ. **Новый Израиль.**

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе: исторія возникновенія, изложеніе ученія, бытъ, нравы, обряды, обычаи, литература и современное положеніе новоизраильской общины, Вл. Бончъ-Бруевича. Духовный алфавитъ XX вѣка, статьи новоизраильтянъ: В. С. Лубкова, С. М. Мишина, А. В. Кудрявцева, Н. С. Голубева, С. А. Сушкова, П. Юргенса, М. Забѣлина, и друг.—Сіонскія пѣсни новоизраильтянъ.—Со многими портретами и иллюстраціями.

Цѣна 5 руб. Въ хорошемъ переплетѣ—**5 руб. 75 коп.**

ПЯТЫЙ ВЫПУСКЪ. **Полное собраніе сочиненій Г. С. Сковороды.**

Томъ I. Цѣна 4 руб. Въ хорошемъ переплетѣ **4 руб. 75 коп.**

СЕДЬМОЙ ВЫПУСКЪ.—**Чемреки.**—(Отвѣтвленіе Стараго Израиля). Вопросы и отвѣты.—Рукописи.—Разсужденія.—Духовные стихи.—Описанія жизни.—Письма и пр.—Рисунки.—Портреты.

Цѣна 8 руб. Въ хорошемъ переплетѣ—**10 руб.**

Печатаются и готовятся къ печати:

ШЕСТОЙ ВЫПУСКЪ. **Полное собраніе соч. Г. С. Сковороды.** Томъ II.

ВОСЬМОЙ ВЫПУСКЪ. **Постоянные Молокане.**

ДЕВЯТЫЙ ВЫПУСКЪ. **Духовные Молокане.**

ДЕСЯТЫЙ ВЫПУСКЪ. **О. Стефанъ Подгорный и его почитатели.**

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫПУСКЪ. **Духовный Алфавитъ Новаго Израиля.**

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫПУСКЪ. **Скопцы.**

Выписывающіе изданія книгоиздательства «Жизнь и Знаніе» не менѣе чѣмъ на два рубля непосредственно изъ нашего магазина — Петроградъ, Поварской пер. д. 2, кв. 9 и 10 — **за пересылку не платятъ. Упаковка за счетъ покупателя.**

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10. Тел. 227—42.

С. П. Аржановъ.

Преподаватель Вольскаго кадетскаго корпуса.

КРАТКІЙ УЧЕБНИКЪ

Анатоміи и физіологіи растеній.

(Въ связи съ біологіей).

Учебникъ составленъ примѣнительно къ программамъ 1911 года для кадетскихъ корпусовъ и дѣйствующимъ программамъ высшихъ начальныхъ училищъ. Съ 80 рисунками въ текстѣ. **Цѣна 60 коп.**

Книжный складъ и магазинъ „Жизнь и Знаніе“ принимаетъ на себя выполненіе всѣхъ книжныхъ заказовъ, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для городскихъ, земскихъ, общественныхъ и правительственныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ.

Выполняетъ заказы по пополненію и устройству новыхъ книжныхъ складовъ и магазиновъ.

Высылаетъ регулярно всѣ новинки книжнаго рынка.

Составляетъ новыя и пополняетъ уже существующія библіотеки и читальни.

Подбираетъ книги для частныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ знанія.

Книжный складъ принимаетъ изданія, какъ на комиссію, такъ и на главный складъ.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Въ Петроградѣ книги, по желанію, доставляются на домъ.

Заказы принимаются по телефону.

Просимъ сообщать намъ адреса лицъ, интересующихся книгой, чтобы мы могли имъ постоянно, изъ года въ годъ, высылать наши каталоги.

Каталоги высылаются безплатно.

Выписывающіе изданія книгоиздательства „Жизнь и Знаніе“ не менѣе, чѣмъ на два рубля, непосредственно изъ нашего магазина — (Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10)—**за пересылку не платятъ. Упаковка за счетъ заказчика.**

Заказы исполняются скоро и аккуратно.

Всѣ заказы, письма, рукописи и пр. по дѣламъ склада и издательства „Жизнь и Знаніе“ просятъ адресовать такъ: **Книжный складъ и магазинъ** (или книгоиздательство) **„Жизнь и Знаніе“. Владимиру Дмитріевичу Бончъ-Бруевичу. Петроградъ,** Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10. Тел. 227—42.

Текстъ книги печатался въ тип. „Печатный Трудъ“, Петроградъ, Разъѣзжая, 43.
Обложка—въ типографіи Л. Я. Ганзбурга. Петроградъ, Мытнинская ул., д. 11.